

Hejl, František

Византийское посольство в Великую Моравию - на политическом фоне тогдашней Европы

In: *Magna Moravia : sborník k 1100. výročí příchodu byzantské mise na Moravu*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965, pp. 85-119

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119652>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВЕЛИКУЮ МОРАВИЮ—НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ФОНЕ ТОГДАШНЕЙ ЕВРОПЫ

Политическая судьба Великоморавской державы, ее изучение — один из главных интересов почти всех историков; их внимание уже более ста лет привлекает это важное политическое образование в Средней Европе в IX и начале X вв., которое эрудированный византийский император Константин Багрянородный в своей работе „De administrando imperio“ впервые в середине X в. назвал „ἡ μεγάλη Μοραβία“ — Великой Моравией¹. Литература, решающая вопрос политических и культурных связей и отношений Великой Моравии с ближайшими и дальними соседями, в особенности же проблему кирилло-мефодиевского посольства, в наше время внушает уважение своей обширностью². Вопросов политических и культурных связей и отношений с соседями, в первую очередь с Франкской империей, касаются как авторы синтетических трудов по чешской и словацкой истории, так и историки, специально занимающиеся проблемой Великой Моравии. Кругом этих вопросов почти исчерпывалась картина этого замечательного периода нашего прошлого в работах историков предшествующего поколения — Палацкого³, Дудика⁴, Иречка⁴, Бретгольца⁵, Новотного⁶, Дворжака⁷ и др. С новыми концепциями встречаемся в работах современных историков — В. Гусы, В. Ванечека, Ф. Грауса, И. Декана, П. Раткоша⁸, и в особенности после 1945 г. в работах археологов — Я. Бэма, Я. Эйнера, И. Поулика, В. Грубого и др.⁹

В то время как более ранняя историография по Великоморавской державе значительное внимание уделяла прежде всего вопросам моравско (чешско)-франкских отношений, главный интерес историков, историков литературы и языковедов последующего периода перешел на проблему византийского посольства; в исследованиях после 1945 г. отражается необычайно быстрое развитие нашей археологии. Преобладают работы, в поле зрения которых главное место занимают проблемы внутреннего развития Великоморавского государства. Причину этого изменения мы видим в том, что археологические исследования сделали богаче наши источники познания и что, пользуясь их сведениями, мы получаем возможность в какой-то форме дополнить скудные данные письменных источников о внутреннем развитии Великой Моравии. В научном освещении вопросов этого развития и в анализе связанных с ним источников видели ключ к пониманию проблемы становления Великоморавского государства и развития классового общества на территории западных славян. Поразительно богатые археологические открытия, в особенности в Моравии и Словакии, больше других достижений исторической науки сумели обратить на себя внимание широкой общественности, вызвали к жизни новые концепции, которым нельзя отказать в смелости и оригинальности, но которые иногда были сформули-

рованы слишком скоропостижно и поэтому носили скорее характер гипотезы чем объективно обоснованной исторической действительности. В общеизвестной дискуссии о становлении феодализма в Чехии, о характере Великоморавского государства несколько раз обратили внимание на эти факты¹⁰.

Вторым фактором, усиливавшим общее направление нашей историографии в последние годы на изучение проблем социального развития на нашей территории, было то обстоятельство, что удалось существенным и поразительным образом увеличить благодаря усилиям наших археологов именно источники материального характера; они же обещали предоставить истории доказательства социального развития, которые до сих пор тщетно искали в письменных источниках. Бесспорным является тот факт (с которым необходимо считаться при выводах теоретического порядка о проблематике Великой Моравии), что письменные источники были в этом отношении не только дополнены, но что материальные источники дорисовывают и многие вопросы сложной проблематики нового общественного строя. Поэтому тесное сотрудничество обеих отраслей науки — археологии и истории (не в последнюю очередь также языкознания) дает возможность сделать в будущем ряд открытий.

В противоположность этому продолжал круг источников письменного характера оставаться ограниченным традиционными латинскими, византийскими и арабскими, известными уже предшествующим поколениям, памятниками, которые за исключением нескольких современных изданий¹¹ не были изданы, и церковнославянскими памятниками; их значение возросло не только в результате археологических открытий, но и благодаря работам Вашицы¹². Это обстоятельство отнюдь не означает, что в выводах, к которым пришла историография при решении вопросов о международных отношениях, нельзя ничего менять или наоборот, что их можно отодвинуть на задний план. Более глубокое познание внутреннего исторического развития дает возможность более точно дорисовать и понять отдельные факты из области международных отношений Великоморавского государства.

С другой стороны, нельзя отрицать связь — пусть и негативную — между отношением правящих великоморавских кругов к агрессивной политике Франкской (Восточно-франкской) империи и между стремлением к осуществлению христианизации и независимой церковной организации в Моравии, проявленным Ростиславом сначала у римского и вскоре после этого у византийского двора. Этот шаг Ростислава имел не только для Великой Моравии, но и для славянских народов вообще огромное, подлинно историческое значение¹³. Возможность его успешной реализации была обусловлена прежде всего относительной консолидацией внутривнутриполитических отношений в Великой Моравии, упрочнением положения Ростислава как правителя и класса им представляемого; этот класс полностью поддерживал идею христианизации, проводившуюся с его помощью, с его согласия, при его активном участии, а также в его интересах. Таким образом уровень внутреннего развития прямо обуславливал конкретные шаги представителей Великой Моравии на международном форуме. Степень развития классового общества в Моравии, потребность в новой идеологии, способной укрепить внутривнутриполитические позиции нового общественного класса, и одновременно ощущавшийся агрессивно-политический

характер миссионерской деятельности с центром в г. Пассау, весьма часто насаждавшейся путем насилия и политического давления с франкской стороны, — все это должно было среди правящих моравских кругов вызвать реакцию, которая постепенно и закономерно сказывалась также в области международных отношений, а при сложившемся положении — на характере отношении великоморавского общества к отдельным течениям и центрам миссионерской деятельности.

Новые взгляды на внутривполитическое развитие Великой Моравии и новые познания в этой области являются также причиной, которая нас ведет к тому, чтобы мы параллельно с изучением внутреннего развития на территории Великой Моравии занялись также проблематикой международного положения Великоморавского государства в Европе IX в. Необходимо подчеркнуть, что новое изучение этой проблематики является до сих пор пробелом, нуждающимся в заполнении.¹⁴

Проблематика международного положения Великой Моравии была уже предметом интереса историков, занимавшихся ею всегда в рамках более широкой, общей проблематики. До сих пор ощущается недостаток работы, в которой был бы дан анализ исторического развития международного положения Великой Моравии в целом; у нас пока нет и анализа исторического процесса Великоморавского государства.

Настоящая статья не может из-за своей краткости разрешить все проблемы международного положения Великой Моравии. Автор не намеревается решать все, предпринимать разбор развития отношений между европейскими государствами и фона отдельных сдвигов в отдельных государственно-политических факторах тогдашней эпохи, которые так или иначе касались Великой Моравии или влияли на отдельные политические шаги представителей Великой Моравии. Нам хотелось бы проверить научную прочность и плодотворность некоторых заключений отечественной и зарубежной историографии, пересмотреть зачастую односторонность их суждений и толкований источников. Мы попытаемся показать, что вопрос о христианизации Моравии нельзя решать узко, только сквозь призму моравско-франкско-римских отношений, а также не только исходя из нужд Великоморавского государства, а необходимо несколько подробнее изучить и тогдашнее положение, интересы и цели политики Болгарии и Византии, отправляясь от общего анализа тогдашнего и предшествовавшего международного положения.

* * *

Отправление Ростиславом великоморавского посольства к византийскому двору не было результатом случайного и мгновенного решения великоморавского князя и его дружины, а было завершением определенного этапа развития великоморавского государства, этапа, характеризовавшегося не только углубляющимся процессом упрочения государственности и христианизации, что в области международных отношений сказывается в растущем стремлении Великой Моравии к полному устранению церковно-иерархической, а тем самым и политической подчиненности Великоморавского государства Франкской империи и баварскому епископату, требования и политические методы которых препятствовали независимости и успеш-

ному развитию славянского мира в этой области. Для международного положения Великой Моравии в политическом отношении факт отправления посольства Ростислава к императору Михаилу III был актом первостепенного значения, которому нельзя отказать в наличии *реальной* перспективы. К такой формулировке, в конце концов не совсем новой, приводит нас детальный анализ развития международного положения Великой Моравии в Европе первой половины IX в. и анализ тенденций тогдашнего развития Европы.

После падения аварского господства в Средней Европе в 90-е годы VIII в., падения, которое подготовил Карл после восьмилетней кровавой борьбы, Франкония стремилась использовать сложившуюся ситуацию для установления своей власти над Паннонией и для распространения сферы своего влияния и на чешских, а может быть и моравских славян.¹⁵ Давление Франконии предстало перед славянами Средней Европы в жесточайшем виде, соответствующем духу каролингской государственной и военнополитической агрессии, получившей в результате ликвидации самостоятельности Баварии (788) и учреждения новой церковной организации баварского диоцеза¹⁶ новый толчок для распространения церковно-политического и государственного влияния на соседние земли чешских, моравских, а, наконец, и полабских и паннонских славян. Упрочение внутриполитической власти королей, получивших титул римских императоров, и последовавшая агрессия Франконии против Средней Европы были причиной появления после более чем 150-ти летнего молчания сведений о наших землях и о государственном образовании, возникавшем и развивавшемся в предшествующие века на территории средней и нижней Моравии, о более ранних стадиях развития которого при трезвой оценке имеющихся — пусть и в многих отношениях сенсационных — открытий археологии нельзя было вопреки общим усилиям историков, археологов, филологов, историков искусства и архитектуры пока еще сказать последнего слова.¹⁷

При современном состоянии изучения вопроса можно сформулировать заключение, что новейшие археологические открытия в Старом Месте, Микульчицах и в Поганске свидетельствуют о том, что общественное и экономическое развитие моравских славян на рубеже VIII—IX вв. было довольно значительным и что в это время уже нельзя говорить только о родовом строе патриархального типа¹⁸. Находки свидетельствуют об отделении развитого ремесленного производства от земледелия и о существовании торговли с далеколежащими центрами;¹⁹ развитие процесса заселения, как можно установить в больших селениях в Старом Месте и в Микульчицах²⁰, опять-таки свидетельствует о довольно высокой ступени общественного развития и расслоения.

Но первые сведения о средневропейских славянах в дунайском бассейне (эти сведения чаще всего встречаются в документах, относящихся к периоду борьбы Франконии с аварами, в особенности в *Летописи королевства франков*²¹) вряд ли можно отнести к моравскому государственному образованию, хотя нельзя исключать возможности, что войска франков встречались в период этих боев и с моравскими славянами²². Можно допустить, что часть войска Карла Великого, продвигавшаяся в 791 г. вдоль северного берега Дуная вплоть до реки Рабы и под руководством

Теодорика и Мегинфрида проходившая через территорию чешских племен, могла войти в общение с моравскими славянами.²³

После разгрома авар и опустошения аварских „гринков“ в 796 г.^{23а} была часть Паннонии, находящаяся между Дунаем, Рабой и Дравой, превращена в марку и включена в военно-административную систему Франконии. Но власть франков здесь видимо была не особенно прочной, т. к. к 803 г. в Летописи опять встречается сообщение о необходимости военного вмешательства, после которого правитель Паннонии Зодан сдался Карлу Великому. Зодан повидимому прибыл с победившим войском франков в г. Регенбург; в толпе пленных кроме авар было много славян.²⁴ Трудно со всей определенностью сказать о каких славянах здесь идет речь. В результате сопоставления всех сведений кажется наиболее правдоподобным, что это были славяне из Паннонии, находившиеся под владычеством авар, в крайнем же случае это могли быть представители славянских областей, расположенных в ближайшем соседстве с Паннонией.²⁵

Карл Великий полностью использовал свою победу над аварами и восстановил владычество Франконии. Саксония, Бавария и обе Паннонии (верхняя и нижняя) должны были отныне стать новым очагом проникновения влияния Франконии в политическом, экономическом и культурном отношении на территорию полабских, чешских и моравских славян.

Несмотря на всяческую поддержку и защиту, предоставляемую Франконией аварским каганам, положение последних становилось все более шатким, что делало из них предмет нападений со стороны славян. Давление славян было успешным, так что в 805 г. аварский каган (христианское имя Теодор) был вынужден отказать от своих владений в Паннонии и по милости Карла Великого, к которому обратился за помощью, получил новые владения между Сабарией (Сомбатели) и Карнунтом (в районе Гайнбурга),²⁶ в тесном соседстве с Восточной маркой²⁷. Если при анализе сведений от 803 г. мы скорее склонны признать, что речь идет о славянах Паннонии, то в результате разбора сведения, приуроченного к 805 г., нельзя, правда, совершенно уверенно и определенно сказать, каких славян сведение касается, но мы вероятно не будем далеки от истины, если сделаем вывод, что оно относится в первую очередь к славянам, жившим по соседству с Паннонией. Сведение летописца говорит о том, что каган-правитель авар не был в состоянии устоять перед набегами славян и остаться в прежних владениях, т. е. в Паннонии. Из сведения вытекает, что речь шла о походе славян против авар в Паннонии, а не о восстании славян против аварского владычества, в походе могли принимать участие в качестве определяющего фактора прежде всего славянские племена, сделавшие значительный шаг вперед в своем развитии. Это говорило бы в пользу моравско-питранских славян. К такому выводу приводит нас также внутренний анализ источников: летописцам этого времени вполне присущ теократическо-иерархический взгляд на построение общества и место, занимаемое в нем римским императором; они, следовательно, пишут свои хроники и летописи с точки зрения каролингского универсализма, с точки зрения франкского государства и его союзников или племен, находящихся под его покровительством, и очень тщательно отмечают нарушение этих принципов. В сведениях летописцев к 805 г. очень подчеркивается внешний характер набегов против государства авар.²⁸

Красноречивым свидетельством наконец является описание — т. наз. Географа Баварского, возникшее примерно во второй половине второго десятилетия IX в.; в нем приводятся среди могущественных славянских объединений севернее Дуная две ветви моравян — Marharii, Merehani, из которых одни построили на своей территории 11 городищ, другие же 30. Под первым названием можно понимать Моравию при Моймире, под вторым — территорию Нитры при Прибине. Эти же области можно также считать наиболее правдоподобными потенциальными силами борьбы против авар, терявших власть в бассейне р. Дуная.

Но о том, каковы были отношения этих славянских областей к государству франков до 822 г., с которого дошли до нас уже более определенные данные о моравянах, нельзя высказаться с совершенной определенностью. Мы придерживаемся взгляда, что и для этого времени нельзя говорить о зависимости, пусть даже (соответственно тогдашним условиям) и весьма свободно понимаемой. Ни Географ Баварский не приводит данных о зависимости Моравии и Нитры от Франкской империи, ни Эйнгарт — биограф Карла Великого,³⁰ перечисляя подчиненные или зависимые народности; он приводит племена полабских велетов и лужицких сербов, затем ободритов и чехов, но в его перечне напрасно будем искать моравян.³¹ Моравия по видимому не подчинилась власти Франконии. Ведь еще в 805 г. нельзя говорить даже о зависимости Чехии от Франконии,³² несмотря на то, что Чехия находилась в прямом соседстве с очагом восточного влияния, а Чехия находилась в прямом соседстве с очагом франкской агрессии — Баварией и несмотря на то, что Карл Великий попытался этого достигнуть путем нескольких сосредоточенных нападений в 805—807 гг.³³

Римский универсализм Каролингов, характерный для тогдашних летописей и грамот, явно отражает территориальные и политические стремления Франкского государства к власти и над областями „восточных славян“, над областями чешских и моравских славян. Типичным доказательством этого, можно сказать маниризма, являются не только записи анналов,³⁴ но в особенности „Ordinatio“ от 817 г., в котором император Людовик Благочестивый наделяет уделами своих сыновей и определяет границы уделов. Сыну Людовику, впоследствии королю Людовику Немецкому, он, кроме Баварии и Каринтии, дал в наследство также „авар и славян“, живших на востоке по соседству с Баварией.³⁵ В нашу задачу не входит изучение смысла „Ordinatio“ по отношению к внутривосточному положению Франконии. Что касается реального содержания „Ordinatio“ по отношению к восточным соседям Франконии, т. е. к территории средневропейских славян, населявших дунайский бассейн, то мы считаем, что в „Ordinatio“ не констатируется фактическое состояние и историческая реальность владычества над областями чешских и моравских славян в целом, но что наличие этого владычества можно отнести только к областям Паннонии и может быть только к некоторым окраинным территориям чешских славян и славян дунайского бассейна, чьи земли лежали в непосредственном соседстве с Баварией или Восточной маркой. „Ordinatio“ также более точно не специфицирует эти области, вряд ли можно допустить, что государственное образование древних славян, о существовании которого в это время сообщает Географ Баварский и в достаточной степени убеждают достигну-

тые результаты археологических открытий в южной Моравии, осталось незамеченным авторами „*Ordinatio*“, если бы владычество франкской империи было реальным. В пользу нашего толкования, кажется, говорят и сведения летописцев, относящиеся к 815 г. и 816 г. В *Летописи королевства франков* к 815 г. упоминается, что в этом году на сейм в Падерборн явились „все вельможи и посланники восточных славян“,³⁶ о которых однако ничего более подробного не узнаем, а к 816 г. и 817 г. приурочено сообщение о победоносном походе императора против „славян, живущих на востоке“.³⁷ В тогдашней терминологии франкских летописцев под часто употребляемым термином „восточные славяне“ необходимо понимать земли чешских славян, славян дунайского бассейна (Моравии и Нитры) и славян Паннонии; так, по крайней мере, перечисляет их *Летопись королевства франков* несколько далее — к 822 г.³⁸ „*Ordinatio*“, которое должно было исключить возможность междоусобицы между сыновьями Людовика, точно определяло области и границы их владений. Что касается восточной границы удела Людовика Немецкого, получившего Баварию и Каринтию, то необходимо подчеркнуть, что граница не определяется точно, не приводится точного названия племени или славянской этнической группы, и юридический документ, которому его инициатор придавал большое значение для политического развития своего государства, — довольствуется собственно говоря общим и широким понятием „славяне, живущие на восточной стороне Баварии“. „*Ordinatio*“ таким образом только намечает государственно-политические претензии и потенциальные возможности агрессии франков в эти области (за подчинение которых сам Людовик Немецкий должен был упорно бороться³⁹), притом в полном согласии с тогдашними универсалистскими тенденциями Франкской империи в Средней Европе.

Первое более определенное письменное сведение о международном положении моравского государственного образования относится только к 822 г.⁴⁰ Его толкование в современной историографии, и даже чехословацкой, не едино. Мы не можем здесь заниматься разбором специальной литературы прошлого, начиная с XIX в.⁴¹ В современной чехословацкой историографии концепция Вавржинека⁴² и заключения Гавлика⁴³ представляют собой две противоположные точки зрения. Между тем как Вавржинек продолжает развивать выводы Новотного,⁴⁴ а отчасти и Декана,⁴⁵ характеризуя отношения Моравии и Нитры к Франконии, как „политическую зависимость“,⁴⁶ Гавлик в противоположность этому вышеприведенный тезис совершенно отрицает. Анализируя общеизвестную запись из *Летописи королевства франков*, приуроченную к 822 г., он подчеркивает, что в записи происходит контаминация двух сведений, а именно — о сейме, занимавшемся восточно-франкскими делами и политической Франконии по отношению к восточным славянам, и сведения о приеме посольства славян, соседей франков на востоке. Гавлик безоговорочно отрицает любую зависимость и чехов, и моравян, и других славян от империи франков, отрицает и существование дани. Он подчеркивает полную независимость, в особенности моравян. Прием моравян на сейме в Франкфурте и их выражение почтения императору Людовику Благочестивому было всего лишь визитом вежливости.⁴⁷ Работа Гавлика, специально посвященная этим вопросам, опирается на пересмотр толкования всех

письменных памятников, относящихся к этой проблематике. В суждении Вавржинека о зависимости Великой Моравии от Франкского государства отражаются также взгляды, унаследованные от более ранней чехословацкой и зарубежной историографии в течение второй половины XIX и начала XX вв. Гавлик, вдохновленный размышлениями Зденека Фиалы,⁴⁸ ищет прямого доказательства непосредственно в письменных источниках, в особенности же в летописях, относящихся к 822 г. Такого доказательства он конечно не находит.⁴⁹ Наш предшествующий анализ данных источников 803—817 гг. и стремление к пониманию сущности тогдашней исторической действительности приводит нас к несколько иным заключениям: источники, относящиеся к 90-ым годам VIII в. и в особенности к 803 г. и к 811—817 гг. свидетельствуют о том, что в зависимость от Франкской империи попали области Паннонии и славянские племена, обитающие в непосредственной близости к среднему течению Дуная. В зависимость попали очевидно и моравские славяне, жившие в окраинных областях между нижним течением реки Моравы и Дунаем и южнее реки Дые. Большого успеха государственно-политическое давление Франкского (Восточно-франкского) государства в этих областях до 822 г. и еще долго после этого не достигло. Вне сферы государственно-политического влияния франкских императоров или королей развивалось собственное образование древнеморавского государства, о представителях которого к 822 г. мы впервые узнаем, что император „на этом сейме (т. е. во Франкфурте — прим. Ф. Г.) принял их“ одновременно с другими посольствами, о которых знал, „что приносят ему дары“. Сейм занимался делами восточных областей Франкской империи, следовательно и отношением к соседним „восточным“ славянам; подготовка сейма не обошлась без инициативы в этой области — иначе вероятно вряд ли можно было бы нам ответить на проблемы, связанные со второй частью сведения: почему вплоть до самого Рейна шли посольства славян (а также авар), населявших области с нижней Эльбы и до нижней Паннонии и области поселений преденецентов. А наконец упорядочение положения на востоке Франкской империи было одним из основных вопросов обсуждения сейма, на который император созвал „вельмож“, следовательно представителей франкской системы управления.⁵⁰

При тогдашних условиях нельзя допустить, что присутствие славянских послов на сейме было делом случая. В данном случае нельзя отрицать политической инициативы со стороны Франкской империи и ее представителей. Затруднения, с которыми историк сталкивается при анализе положения в 20-х годах IX в., состоят в том, что сведения *Летописи королевства франков* не позволяют нам сделать конкретного представления о характере работы сейма по отношению к соседним славянским областям. Присутствие славянских послов на сейме и вручение даров нельзя считать выражением политической зависимости.⁵¹ Преподнесение даров не было даже проявлением зависимости, выраженной в дани, а символическим подтверждением дружеских или мирных отношений, причем не только между независимыми странами, но не редко и со стороны сюзерена по отношению к вассалу.⁵² Следовательно, присутствие чешского и моравского посольства с дарами на франкфуртском сейме не имело другого значения, чем выражение всего лишь мирных, а, может быть, и дружеских отношений между чехами и мораванами, с одной стороны, и Франкской империей, с другой

стороны. Вряд ли можно усматривать в этом акте что-то более значительное.

Конечно, нельзя точно определить территорию, на которую распространилась власть Франкской империи. В третьем десятилетии IX в. восточно-франкские государи стремились распространить свое влияние на дальние области Средней Европы, пытаясь расширить сферу своего влияния вплоть до Дании.⁵³ Но что касается древнеморавской области, то ничего не свидетельствует о том, что Франкской империи в это время удалось установить государственно-политическую власть над областью собственно великоморавской территории. Исходя из свидетельства сохранившихся письменных источников, имеющих отношение к первой четверти IX в., мы приходим к выводу, что отношение Моравии к Франконии было в значительной степени свободным, даже независимым, относительно 20-х годов можно констатировать, что отношение было дружеским. Может быть, и можно допустить, что в относительно более тесной связи с Франкской империей были по всей вероятности славяне, населявшие примыкавшие к территории Франконии районы дунайского бассейна. Первые прямые исторические данные о мораванах не позволяют сомневаться в весьма высокой стадии социального и экономического развития и процесса становления государственности: летописи не знают других терминов, не позволяют сомневаться в надплеменном характере организации власти. Этот процесс не завершился в течение нескольких лет, а был результатом длительного развития, который не мог бы ускользнуть от внимания глав восточных провинций Франкской империи, также как и от пыливости тогдашних летописцев — это во-первых. Во-вторых: факт, что при таких условиях и при таком положении мы встречаемся с мораванами впервые только в 822 г., причем при уже развитом надплеменном строе, свидетельствует о том, что положение и государственно-политическое влияние Франконии на более отделенные области севернее Дуная было значительно сомнительным. А наконец небезинтересно констатировать тот факт, что современные археологические открытия дают нам возможность установить в районе, расположенном вдоль реки Дые, правильную цепь пограничных городищ.⁵³⁻

Шаткость позиций Франкской (Восточно-франкской) империи в бассейне Моравы отражают и следующие события: несмотря на то, что в результате падения владычества авар в 796 г. открылся путь для миссионерской деятельности и культурно-политического проникновения влияния баварского диоцеза на области, населенные средневропейскими славянами, и несмотря на тесную взаимную связанность церковного и государственного управления, представителям восточно-франкской власти не удалось воспрепятствовать соединению моравского княжества и княжества Нитры под верховной властью Моймира (примерно около 833 г.).⁵⁴ Это объединение произошло без вмешательства франков в его процесс, вне рамок влияния Франкской (Восточно-франкской) империи, и было совершенно определенным последствием и результатом внутреннего развития древнеморавского государственного образования. Восточно-франкская империя не была даже в состоянии выступить в пользу изгнанного из Нитры (княжества) Прибины, искавшего вместе с сыном Коцелом сначала убежища у маркграфа Восточной марки Радбода; не дождавшись, однако, защиты, Прибина перебрался затем к болгарскому князю Маломиру (831—836), после этого

к хорватскому князю Ратимиру, и наконец снискал приязнь каринтийского графа Салахона, а только через продолжительное время он приобрел поддержку самого Людовика Немецкого, отдавшего ему в лен в 846 г. земли Паннонии, около озера Балатон, которые в следующем году были ему отданы в наследственное владение: Прибина стал воеводой с вассальной зависимостью по отношению к Франкской империи.⁵⁵ Если бы суверенитет Восточно-франкской империи над Моравией был фактом, вряд ли могло бы произойти изгнание ее сторонника, кем Прибина бесспорно был или мог стать.

Вплоть до 846 г. в источниках нет ни одного упоминания о вмешательстве представителей Франконии в дела Великой Моравии, тщетны и попытки обнаружить доказательства вассальной или оброчной зависимости. Поэтому другие толкования отношения Великой Моравии к Франкской империи необходимо отодвинуть в область гипотез. Волновавшая Франкскую империю междоусобица, конец которой должен был положить Верденский договор (843 г.), борьба с хорватами и болгарами,⁵⁶ а также с полабскими славянами,^{56¹} — все это полностью занимало и истощало силы франков. Одновременно, конечно, можно высказать предположение, что Моймир после объединения Моравии с княжеством Нитры и после образования Великой Моравии сосредоточил свое внимание полностью на реальных задачах внутренней политики — на упрочении и централизации нового образования.⁵⁷

„*Divisio imperii*“ — Верденский договор 843 года должен был означать новый этап не только во внутренней франкской политике Людовика Немецкого, но и в отношении Восточно-франкского государства к восточнославянским областям. Вполне соответствуют этому событию, последовавшие непосредственно после 843 г.: Людовик усиленно консолидирует свое положение и отношения в империи к своим братьям, затем к норманам, к болгарам и полабским славянам.⁵⁸ В рамках этой подготовки нельзя пропустить и крещение 14 чешских князей с их дружинами, происшедшее „в октаве Явления Господня“ — 13 января того же года в г. Регенсбург (Ржезно).⁵⁹ Эти мероприятия Людовика в области внутренней и внешней политики, направленные на восток, нельзя рассматривать отдельно, как друг от друга независимые факты, как события без внутренней связи. Великая Моравия Моймира, ее внутренняя и международная консолидированность вызывала уважение и опасения агрессивного Людовика Немецкого, вынужденного видимо в беспокойствии за результаты действий, подготовленных против Великой Моравии, прибегнуть к столь широко продуманным мероприятиям. Ведь в сущности речь шла об осуществлении плана международной изоляции Великой Моравии, и не только на юге — в нижней Паннонии (путем заключения мира с болгарами и консолидации положения в Хорватии), и на Западе, а в особенности в бассейне Эльбы. Связывать эти меры и усматривать в них какой-то союз против Великой Моравии, единение сил под руководством Людовика Немецкого против Моймира,⁶⁰ было бы слишком смелой концепцией, анахронизмом, это значило бы переносить представления современной эпохи в прошлое, — для всего этого нет ни малейшей основы в данных письменных источников.⁶¹ Тем не менее факт столь широкой подготовки свидетельствует о том, что Людовик Немецкий не только систематически и целенаправленно гото-

вился к выступлению, а что стремление изолировать Великую Моравию непрямо свидетельствует и о ее значении в тогдашней Средней Европе. Ведь еще непосредственно перед походом в Моравию Людовик обеспечил безопасность своего тыла, умирив в 846 г. велетов на Эльбе.⁶² Хотя и лаконичные и скудные сведения фульдских, бертинских, гильдесгеймских и ксентенских летописцев не дают нам возможности сделать точного представления ни о мотивах похода Людовика против Великой Моравии, ни о взаимных отношениях между Моймиром и Ростиславом, возведенным на престол в связи с походом Людовика в 846 г., тем не менее все сведения однозначно свидетельствуют о том, что Людовик Немецкий в соответствии с идеологией верховной власти Франконии пытался привести Великую Моравию в зависимость от Восточно-франкской империи. Фульдский летописец Рудольф пишет, что Людовик Немецкий победил моравян, „стремящихся к мятежу“ и что „уладил дела соответственно своей воле“.⁶³ Предлогом похода или его мотивом могли быть претензии Франконии к Паннонии, в южной части которой недавно получил в ленное владение землю сторонник власти франков — Прибина.^{63a} Восстановление власти франков в северной Паннонии могло стать удобным случаем для попытки установить власть и над соседней Великой Моравией.⁶⁴ Нельзя сделать ясного представления о том, произошли ли какие-нибудь изменения в отношении Ростислава к Людовику Немецкому, в отношениях Великой Моравии к Восточно-франкской империи. Из анализа источников наоборот ясно вытекает, что Ростислав продолжал выступать совершенно независимо, самостоятельно, не принимая во внимание интересы Восточно-франкской империи в славянских областях Средней Европы.

Поход Людовика против Великой Моравии не имел должного отклика в соседних с Моравией землях: ведь возвращающийся Людовик только „с большими затруднениями и с большими потерями для своего войска“ пробил себе дорогу через Чехию (Богемию) на обратном пути в Баварию и одновременно многочисленные чешские князья вышли из-под зависимости от франков.⁶⁵ А в середине августа 848 г. даже сами чехи предприняли поход на территорию Восточно-франкской империи, но были „во имя господня“ отбиты.⁶⁶ Но зато на следующий год чехи нанесли баварскому войску во главе с герцогом Эрнстом⁶⁷ полное поражение.

Новая попытка установить власть Франконии над землями Великой Моравии произошла в 855 г. Какими бы ни были мотивы Восточно-франкского государства,⁶⁸ остается фактом, что попытка закончилась полным неуспехом, хотя подготовка ее осуществления велась широко.⁶⁹ Для наших размышлений особенно важен факт, что с половины 50-х годов Ростислав совершенно явно начинает политику активной — пусть и долголетней — борьбы за укрепление независимости Великой Моравии от Франкской державы. Фульдские анналы, содержащие наиболее пространное сведение о выступлении Людовика против Ростислава в 855 г. не заставляют нас сомневаться в том, что нападение франков нашло Ростислава совершенно подготовленным, что было основным и решающим моментом, который способствовал неуспеху франкского оружия. Из формулировки сведения одновременно вытекает, что Ростислав ожидал выступления Людовика, укрепив свое положение построением могучего вала для защиты.⁷⁰ Более того, Ростислав после того как отразил восточно-франкскую агрессию

сам перешел в контранаступление и преследовал отступающего Людовика, так что тот не смог воспрепятствовать проникновению великоморавских войск даже на территорию Восточной марки.⁷¹ Успехи Ростислава в борьбе с Людовиком Немецким, относительно большая ступень консолидации и внутренней устойчивости делала из Великой Моравии потенциальную защитницу и оплот борьбы за свободу и независимость также соседних чешских племен, пытавшихся сбросить восточно-франкское засилие.⁷² А также упоминание о том, что походу Людовика Немецкого в 855 г. предшествовали демонстративные действия правителя Чешской марки графа Эрнста против Чехии, предпринятые по поручению самого Людовика, приводит нас к выводу, что положение Великой Моравии и ее государственное и политическое значение ощущалось далеко за ее рубежами еще до 855 г. и что Великая Моравия начала проводить активную внешнюю политику, открыв сотрудничество прежде всего с соседними с ней чешскими воеводами и князьями.⁷³ Успешное сопротивление Ростислава и возмездие за поход Людовика на некоторое время отвели восточно-франкскую агрессию от земель Великой Моравии;⁷⁴ в связи с этим наблюдается повышенная активность к сопротивлению и других славянских племен при восточных рубежах Франкской (Восточно-франкской) империи. При этом нельзя конечно отрицать тот факт, что, например, на подъем освободительной борьбы в особенности полабских славян имели влияние затруднения и осложнения, которые испытывал Людовик в своей же Франкской империи.

Внутриполитические осложнения, выводы из неудачи 855 г. и необходимость все новых походов против восставших полабских славян и чешских воевод,⁷⁵ на некоторое время полностью поглотили силы Людовика Немецкого и тем самым отводили его действия от земель Великой Моравии. Только в 858 г. должны были начаться новые действия франков против Ростислава. Людовик Немецкий подготовил к этому году синхронизированный концентрированный удар против своих славянских соседей на востоке; для осуществления этого плана и обеспечения его результатов он собирал войско уже с мая месяца и к середине июля он был наконец готов к выступлению. Во главе войска, предназначенного для похода на территорию моравских славян был назначен старший сын Людовика Карломан, армией рыцарей посланных против полабских ободритов командовал младший сын Людовика, Людовик, а во главе войск, отправленных против лужицких сербов, стоял граф Такульф, правитель Сербской марки. Однако новые внутриполитические отношения, возникшие во Франкской империи стали причиной срыва подготовленного похода в Великую Моравию.⁷⁷

Нельзя сомневаться в том, что эта неудачная попытка Людовика Немецкого и новые осложнения внутри Франкской империи были известны великоморавскому князю Ростиславу. И даже все сведения, отражающие события конца 50-х начала 60-х годов IX в. в дунайском бассейне, прежде всего „*Conversio*“ и „*Фульдские летописи*“ говорят напрямую о том, что положение Людовика Немецкого было здесь сильно потрясено. Конкретные шаги великоморавской внешней политики не оставляют сомнений в том, что Ростислав стал открыто на путь политики враждебной по отношению к Франкской империи: он не только заключил мир с Карломаном,^{77a} а заключил с ним коалицию против Людовика Немецкого и начал наступле-

ние и против вассала — опоры франкского влияния на нижнем течении Дуная, против Прибины, этого верного слуги Людовика Немецкого, снискавшего от Людовика за свои услуги сомнительный эпитет „*fidelis dux poster*“; Прибина выполнял и выполнил исторически недостойную роль верного пионера немецкой феодальной агрессии и колонизации в Паннонии.⁷⁸ Коалиционная политика Ростислава имела, правда, некоторые успехи, но ее значение было довольно ограничено, она не имела скольконибудь значительных перспектив. В борьбе с мораванами Прибина погиб⁷⁹ и в союзе с ними Карломан временно продвинул границы своих владений вплоть до реки Инн.⁸⁰ Но неустойчивый Карломан не мог дать гарантии действенности союза, нужного Ростиславу; концепцию самостоятельной Великой Моравии в отношении внешней политики необходимо было поставить на более серьезный фундамент. Этот фундамент не мог быть создан в союзе с бунтующим франкским графом, в конце концов относительно в значительной степени зависимым — в рамках иерархии ленной системы восточной Франконии. Концепцию независимости Великой Моравии в отношении внешней политики необходимо было опереть на факторы более длительного действия, которые, кроме внутренней консолидации, необходимо видеть как в независимой (от Франконии) церковной организации, так и в поддержке, которую на арене международной политики могла Великой Моравии дать держава, представляющая определенный противовес могущества и источников, которыми в борьбе с Великой Моравией располагала восточно-франкская империя. К этому заключению Ростислава привели как зрелые политические размышления, анализ процесса тогдашней борьбы и оценка шагов, которые он сам и его предшественники предприняли, так и анализ тогдашнего соотношения сил. Ростислава нельзя считать „примитивным“ вождем племени или племенного союза, действующим по мгновенным, мало обдуманым мотивам и побуждениям. „Контекст“ всех сохранившихся сведений, относящихся к его правлению, противоречит таким поверхностным суждениям. Ростислав действовал целенаправленно, наученный опытом полустолетней борьбы Великой Моравии за независимость; он исходил из знания как внутривнутриполитического положения Великой Моравии, так и из знания ситуации в соседних странах, прежде всего во Франконии и Паннонии, а также из знания международного положения в Европе. Особенно его личный опыт борьбы 50-х годов IX в. снова убедил его в том, что и выигранные героические сражения не могут обеспечить государству прочной защиты от франкской агрессии и от ее повторения в удобное время. В данном случае не мог не играть роли факт одиночества Великой Моравии в борьбе с Франкской империей; Великая Моравия не могла полагаться в этой борьбе на прочное и продолжительное единство и слаженность действий чешских и полабских славянских народностей или племен (на своей стороне). Перевес Восточно-франкской империи еще усиливался действиями пассауского и зальцбургского диоцезов, выступавших с церковно-политическими притязаниями также на территории севернее и северо-восточнее Восточной марки.⁸¹

Очевидно — хотя у нас для этого нет прямых доказательств — из анализа тогдашнего соотношения сил в Европе и в результате оценки его факторов возникла новая политическая концепция Ростислава, в которой вопрос о новой политической ориентации и создании самостоятельного моравского

диоцеза, независимого от баварского епископа, должен был сыграть решающую роль, стать центральной идеей и программой концепции.

Христианизация Великой Моравии, интенсивно проводимая в первой половине IX в.,⁸² была одним из средств франкской агрессии. И даже представители франкских церковных кругов, высших баварских и зальцбургских церковных институтов принимали активное участие во франкской экспансии по отношению к землям полабских, чешских, моравских и паннонских славян. Выше мы дали анализ сведений о борьбе Великой Моравии с франкской агрессией и о упорной героической борьбе Великой Моравии за независимость, занимаясь отдельными скудными, дошедшими до нас сведениями. В связи с этим необходимо еще подчеркнуть, что не было почти ни одного нападения, в котором не принимали бы участия бок о бок с представителями высших кругов франкской светской власти и представители церковных властей. Именно в лоне церкви зародилась теория, сформулированная ученым Алькуином, по взглядам которого распространение христианства и процесс христианизации были одной из главных задач папской „миссии“ государя-христианина. А эта теория, полностью поставленная на службу римскому универсализму франкских императоров, служила идеологическим оправданием завоевательских планов франков и по отношению к землям „языческих славян“ (и не только славян); таким образом в конце концов оправдывалось активное участие представителей высших кругов церкви и их дружин в агрессии. Принцип тесного сотрудничества светской и церковных властей в агрессивных походах совершенно открыто проповедывал в своем письме в пане Льву III Карл Великий.⁸³ Более того, христианизация не должна была быть только спутником светской власти при реализации ее завоевательских планов. Христианизация должна была одновременно способствовать укреплению фактической власти завоевателя и его владычества на завоеванной территории, включаемой во франкскую церковную организацию. Церковная организация должна была, следовательно, открывать дорогу укреплению государственной организации. Перед христианизацией ставились еще гораздо большие цели: она должна была сыграть роль авангарда франкской агрессии, должна была проникать на территорию суверенных государств или независимых правителей, постепенно изнутри строить прочный оплот своей власти, свою прочную организацию, опирающуюся на христианские храмы и таким образом усиливать оковы, укрепляющие связь между христианизированной территорией и Франкской империей. Такой метод выбрали правители Франконии и по отношению к Великой Моравии уже в 20-х годах IX в.: на то же самое время, которое характеризуется, как мы узнаем, мирными взаимными отношениями между Моравией и Франконией, падает первый этап интенсивного строительства великоморавских церквей, как в Моравии (Старе Место, Микульчице), так и в княжестве Нитра.⁸⁴

Церковь охотно выполняла задания светской власти. Уже во время походов франков против авар в Паннонии в конце VIII в. мы узнаем, что в походах принимал участие зальцбургский архиепископ Арно; развития его миссионерской деятельности и ее ускорения в землях Паннонии требовал сам Карл Великий,⁸⁵ потому что в ней видел самое действенное средство усмирения этой области. Одновременно Алькуин призывает пользоваться в новых условиях и новыми методами. Вместо грубого насилия,

принесшего Карлу Великому так много осложнений во время агрессии против земель саксов и фризов, ставилось теперь ударение на идеологическое овладение противником, на действенную и интенсивную миссионерскую, учительскую и организаторскую деятельность. Алькуин даже рекомендовал миссионерам воздерживаться в начале своей деятельности и от сбора податей в пользу церкви.⁸⁶

Баварское духовенство, помнящее слова и указания Алькуина, стремилось в мирные времена к мирному проникновению в области Великой Моравии; процесс христианизации здесь проходил при поддержке правящего слоя, который в христианстве видел и находил свою идеологию, отражение самого себя, тогдашнего общества и мира по собственным представлениям. Хотя источники не сохранили и не дают нам картины конкретного процесса христианизации, мы все-таки считаем, что не будем далеки от истины, придя к заключению, что христианизация Великой Моравии проходила аналогичным путем, как и в соседних областях, в особенности славянских (в Паннонии).⁸⁷ Для наших предположений мы находим подтверждение также в новейших археологических открытиях великоморавской эпохи.⁸⁸

Миссионеры, учителя и духовенство действовали осмотрительно, учитывая традиции язычества, его представления и обычаи; процесс христианизации был длительным и не завершался просто актом крещения. Многочисленные языческие представления и обычаи еще долго оставались в сознании людей и в период большого размаха христианизации, о чем дает надежное свидетельство заседание синода в г. Майнц в 852 г., где христианство в Моравии характеризовалось как „rudis adhuc christianitas“.⁸⁹ При этом нельзя сомневаться в том, что процесс христианизации в первой половине IX в. уже сильно продвинулся, охватив не только правящий слой, но и многих жителей, если не преобладающее большинство великоморавского населения. По крайней мере об этом свидетельствуют слова обращения моравского князя Ростислава к Михаилу III, записанные автором Жития Константина, в котором совершенно определенно подчеркивается, что мораване „отказались от язычества и придерживаются христианства“.⁹⁰ В следующей главе Жития Константина автор с нескрываемым возмущением упоминает, что в моравском христианстве много пережитков патриархального язычества.⁹¹

Свои познания мы черпаем не только из письменных источников. Большую помощь приносят историку археологические памятники, обнаруженные в особенности в Старом Месте, Микульчицах, Поганске и в районе Нитры, относящиеся к первой половине IX в., в особенности открытые могильники. Захоронения в землю по христианским церковным обрядам снабжены богатыми дарами, свидетельствующими о наличии пережитков древних языческих представлений о загробной жизни.⁹²

Свидетельство синода в г. Майнце, Жития Константина и новейших археологических открытий не оставляют сомнений в том, что христианские миссионеры действовали с расчетом на долговременные перспективы; они были снисходительны к пережиткам патриархальных обычаев и обрядов и весьма умело плели духовную сеть, при помощи которой должны были быть обеспечены политический и духовный перевес Восточно-франкской империи над Великой Моравией.

Эти факты не могли остаться вне поля зрения, не могли не привлечь внимания великоморавских правящих кругов. Действенные шаги для защиты независимости Великой Моравии заставляло делать и то обстоятельство, что рука об руку с проникновением христианской идеологии неизбежно должно было происходить образование собственной церковной организации на территории Великой Моравии; это наряду с действенной миссионерской деятельностью фактически резко усиливало перевес влияния Франконии и в первую очередь государственно-политического влияния.⁹³ Хотя христианизация Великой Моравии не была делом только франкских миссионеров (особенно в начальный период в христианизации принимали участие также духовенство аквилейского диоцеза и миссионеры из области византийской церковной ориентации⁹⁴), но тем не менее при тогдашнем отсутствии собственно великоморавской церковной организации, таило в себе большую опасность. О тесной связи между церковной и государственной администрацией свидетельствуют шаги, предпринятые по отношению к представителям баварских миссионеров в Моравии в середине 50-х годов IX в. Ростиславом, стремившимся к полной независимости и прочной единой государственной организации. В жалобе баварского духовенства мораван упрекали в том, что последние отказывали баварским миссионерам дать разрешение на пребывание в стране.⁹⁵

И наконец от представителей великоморавского правящего слоя не мог ускользнуть и такой предостерегающий факт, что наряду со светскими феодалами в агрессивных мероприятиях Восточно-франкской империи в землях полабских, чешских, моравских и паннонских славян принимали активное участие и феодалы из рядов духовенства. Учение Алькуина применялось только в мирное время; с агрессивным характером военного вмешательства Восточно-франкской империи всегда полностью соглашались церковные власти и беззастенчиво оказывали ей всестороннюю поддержку. В таких случаях открыто проявлялось и государственно-политическое назначение церковной организации. События 40-х и 50-х годов IX в. давали в этом отношении многочисленные предостерегающие примеры. В 849 г. во франкской агрессии против чехов, возглавляемой герцогом Эрнстом (Арношт), правителем Чешской марки, участвовало „немалое число графов и аббатов“.⁹⁶ История должна была повториться в 855 г. во время агрессивного похода баварского войска против чехов, который преследовал цель воспрепятствовать соединению чешского и моравского войска.⁹⁷ Во главе нового похода против чехов в 857 г. был прямо назначен Отгариус, епископ из Эйхштедта с пфальцграфом Рудольфом (Hrudolt) и Эрнстом, сыном правителя Чешской марки.⁹⁸

Все шаги, предпринятые Ростиславом для укрепления своей власти и государственно-политического положения Великой Моравии и для обеспечения ее независимости, проводились реально понимавшим факты Ростиславом, конечно, при полном осознании большой разницы в материальных военных ресурсах между Великой Моравией и Франконией. Ростислав, сам будучи христианином, полностью осознавал значение новой идеологии для укрепления господствующего положения возникающего класса феодалов внутри государства и обеспечения его равноправия на международном поприще. Кроме того от его внимания не ускользнуло и большое значение и могущество церковной организации. Если его борьба

с Восточно-франкской империей за сохранение независимости Великой Моравии должна была завершиться сколько-нибудь прочным результатом, если Ростислав хотел ликвидировать длительно действующий фактор диспропорциональности материальных и военных ресурсов и одновременно отнять у франков предлог для все повторяющихся вмешательств во внутренние дела Великой Моравии, то потенциально наиболее действенным оружием было избавление от зависимости от баварской церковной организации. Кроме того реальная внешняя политика Ростислава должна была считаться с помощью сил, способных разбить международную изолированность Великой Моравии и изменить соотношение сил в пользу Великой Моравии или хотя бы ослабить значительный государственно-политический перевес Восточно-франкской империи.⁹⁹ Такие силы в тогдaшнее время представляли Рим — папская курия — и Византия.

Наиболее выгодный путь, который мог выбрать Ростислав в тогдaшней ситуации для дальнейшей борьбы за укрепление независимости в политическом и церковно-организационном отношении, был — приобрести помощь папской курии в деле учреждения и построения независимого моравского диоцеза. Такие действия вполне соответствовали тогдaшним условиям и каноническому праву. В этом смысле (вероятно в 860 до 861 гг.) Ростислав обратился к римскому папе Николаю I (858—867) с просьбой учредить самостоятельную моравскую церковную организацию. Ростислав предпочитал создание этой организации политическому маневрированию или вооруженной борьбе. Это соответствовало также реальному соотношению сил в тогдaшней Европе. Но инициатива Ростислава в Риме не завенчалась успехом¹⁰⁰. Просьба Ростислава здесь не встретила положительного отклика; по крайней мере она не пришлась по вкусу папскому двору. С точки зрения курии удовлетворение требований Ростислава не было выгодным для интересов папы. Надо учитывать, что в это время была власть римского папы в значительной мере зависимой от государственной власти Франконии, представители которой удерживали за собой право вмешательства в дела церкви, включительно назначения епископов. Николай I, направивший всю свою деятельность на освобождение церкви и ее органов от зависимости от светской власти, проповедывал принцип приоритета власти папы по отношению к государственной (светской) власти, принцип подчиненности светских правителей папе. Эти новые, в корне меняющие суть, идеи западной церкви встретились с сопротивлением западно-франкской церковной иерархии во главе с реймским архиепископом Гинкмаром и с западно-франкским королем Лотаром II; предлогом для этого послужил бракоразводный процесс Лотара II^{100а}. Сопротивление западно-франкского духовенства и короля Лотара II не могло быть сломлено одним Николаем I, т. е. средствами, которыми располагал последний; в этом отношении папская курия полагалась на государственно-политическое могущество и влияние восточно-франкского короля Людовика Немецкого, вражда которого с кругами западно-франкских феодалов стала уже традиционной.¹⁰¹ Укреплению сотрудничества папской курии и Восточно-франкской империи способствовала также борьба римского папы Николая I за монопольные позиции власти папы также в культурно-политической сфере, а в первую очередь в ущерб позициям византийского патриарха.

В данной ситуации просьба Ростислава создать самостоятельный великоморавский диоцез и отправить в Моравию епископа, независимого от баварского епископата, не могла быть в Риме удовлетворена, даже наоборот. Заинтересованность Николая в Восточно-франкской империи, положение римской церкви на франкской территории и тенденции к подчинению византийского патриарха верховной власти папы сближали действия Николая I с Людовиком Немецким, которого папа полностью и безоговорочно поддерживал всем своим авторитетом в борьбе с мораванами: через епископа Соломона, легата Людовика, Николай I благословил подготовленный Людовиком поход против мораван и „просил всемогущего бога, чтобы ангел ... помогал войску короля, чтобы ... Ростислав был приведен к послушанию.“¹⁰²

Несмотря на то, что попытка Ростислава не принесла ожидаемого результата, нельзя тем самым никак снижать реальность и политический опыт великоморавского князя.

После неуспеха в своей попытке у папской курии Ростислав не отказался от своего замысла — создать самостоятельную церковную организацию Великой Моравии. Раз просьба не могла быть и не была удовлетворена Николаем I, Ростислав обратился к византийскому патриарху Фотию и императору Михаилу III. Зарождение этого замысла Ростислава можно с трудом проследить на основании имеющихся у нас источников. Предположение, что Ростислав рассчитывал на обострение отношений между Византией и Римом мы считаем модернизацией исторического процесса. Мы считаем, что решение вопроса о генезисе решения Ростислава необходимо искать в анализе объективного соотношения сил и продолжительное время действующих моментов в тогдашней европейской политике. Необходимо конечно, будет принять во внимание и характер отношений, развившихся в Великой Моравии к 50-ым и началу 60-х годов IX в.

В начале 50-ых годов начал в стране падать авторитет епископата Гартвига и Альдриха, которые уже — как показывают переговоры 852 г. в деле Альбгиса — не могли реально считаться с осуществлением и признанием своей власти на территории Великой Моравии. Вероятно вскоре после этого произошло изгнание баварских священников из пределов державы Ростислава; их места, по крайней мере при выполнении каждодневных обычных обрядов, заняли наряду с домашними (и остатком баварских) священниками, священники из итальянско-аквилейской и греческой областей. О деятельности этих священников до прихода Кирилла и Мефодия в Моравию у нас нет сколько-нибудь ясного представления, а язык письменных памятников более чем скуд. Возможно, что толчок к отправлению посольства Ростислава к византийскому двору мог возникнуть и в этой среде „новых“ священников, о влиянии которых на Великую Моравию и в особенности на двор верховного князя, у нас нет более подробных данных. Одновременно можно высказать и предположение, имеющее свое рациональное ядро, а именно, что при зарождении инициативы — вызвать епископа из Константинополя — сыграли свою роль и византийские купцы, в присутствии которых в Великой Моравии нельзя сомневаться. Хотя и вопрос об инициативе у константинопольского двора обладает некоторым интересом, все-таки решение об отправке посольства было

высказано ведущими кругами Великоморавского государства, его князем, удельными князьями и (выдающимися) „мораванами“, как определено говорит Житие Константина и Житие Мефодия. В основе своей это было широко обоснованное мероприятие, вытекающее как из внутренних, так также и из международных нужд Великой Моравии. Приглашение итальянско-аввилейских и греческих священников не могло разрешить навсегда осложнившуюся проблематику церковной жизни Великой Моравии; тем самым кроме того не решалась и основная проблема эманципационных усилий Ростислава — требование самостоятельности для церковной организации. Эту проблему должны были решить полноправные институты верховного церковного управления. Рим отнесся к делу отрицательно. Великая Моравия согласно церковному праву была все время свободной областью, несмотря на то, что здесь добивались влияния баварские епископы, что делали в особенности интенсивно с времен Регингарда из г. Пассау.¹⁰³ Следовательно, Ростислав и представители правящего великоморавского слоя имели полное право свободного выбора куда обратиться, чтобы были выполнены их требования. Настоятельная необходимость — наконец добиться построения своей собственной церковной организации по главе с уполномоченным представителем — была самым основным внутренним и международным политическим побуждением. Считаться при этом с поддержкой епископата в г. Пассау или в г. Зальцбург было совершенно иллюзорным и поэтому абсолютно реальным последствием предшествовавших тщетных шагов был тот факт, что Ростислав и мораване обратились со своей просьбой в Константинополь.

Во внешнеполитическом отношении Моравии угрожала полная изоляция и окружение в результате заключения восточно-франкско-болгарской коалиции.¹⁰⁴ Коалиция князя Бориса (852—889) и Людовика Немецкого не была направлена только против сына Людовика Карломана, т. е. в данном случае она должна была быть впервые применена, но прежде всего она была направлена против мораван, задерживавших всю первую половину IX в. агрессию Франконии против Средней Европы. Следовательно, шаг князя Ростислава не был просто культурно-политическим мероприятием, как считала более ранняя историография, взяв в основу не критические слова Жития Константина и Жития Мефодия, а в своей сущности и по своим последствиям — широко задуманный политический акт. В Моравии уже было проведено крещение и она не нуждалась в священниках всего лишь знающих славянских язык, потому что франкские священники и миссионеры владели славянским языком, как доказывают т. наз. Фрезингенские отрывки.^{104a} Ростислав требовал прислать епископа, который управлял бы самостоятельным моравским диоцезом.¹⁰⁵ Посольство мораван кроме того не обращалось только к главе восточной церкви, а прежде всего к императору византийского государства Михаилу III; тем самым подчеркивался политический характер посольства. У нас нет причины не доверять словам авторов Жития Константина и Жития Мефодия и Итальянской легенды о том, что посольство вело переговоры не только с патриархом, а также, и даже в первую очередь с императором Михаилом.¹⁰⁶ И. Вашица в последнее время, опираясь на анализ церковнославянского перевода византийской Эклоги, известного под названием „Закон судный людям“, — высказал мнение, что Ростислав просил прислать ученых священников,

которые могли бы также составить свод законов, соответствующий потребностям великоморавского феодального общества.¹⁰⁷

Посольство Ростислава, пришедшее в Константинополь по воле князя и представителей господствующего великоморавского класса,¹⁰⁸ встретилось с полным пониманием и действенной поддержкой византийских правящих кругов — светских и церковных. Положение к этому времени созрело как в результате внутреннего развития, так и в результате развития международного положения Византии.

После окончания борьбы с инокластами при императрице Теодоре (843) восточная церковь быстро начала консолидироваться и вскоре опять стал процветать известный константинопольский университет (основанный во второй половине IV в., реформированный в начале VII в. императором Гераклием).¹⁰⁹ После победы иконодолов был вытеснен из духовной жизни и узкий догматизм студитов и преобладать начало возрождающиеся античность направление, во главе которого стоял Фотий. С новой силой, размахом и упорством развила восточная церковь свою миссионерскую деятельность, опорой которой были выдающиеся образованные миссионеры, вышедшие из возрожденного константинопольского университета или из школы Фотия или из монастырей малоазийского Олимпа. Миссионерская деятельность общин монахов Олимпа была предназначена для армян, сирийцев и также славян, живших в языковых островах в Малой Азии и до сих пор еще не совсем подвергшихся христианизации. Но главное направление миссионерской деятельности, исходившей непосредственно из Константинополя, шло в северозападном направлении — в области балканских славян, в особенности в соседнюю Болгарию, приобретшую правда только недавно часть территории, по болгарский князь Борис принял христианство с востока и признал таким образом — пусть только временно — верховную власть константинопольского патриарха в делах церкви.¹¹⁰ Христианизация Болгарии была прежде всего политическим актом, которым Византия и восточная церковь не только преследовала укрепление своего положения на Балканах, но подрывала и подорвала попытки Николая I проникнуть в непосредственное соседство с Византией. Прочным результатом этого шага было одновременное падение государственно-политической восточнофранкско-болгарской коалиции.

Посольство Ростислава пришло в Константинополь в удобный момент также с точки зрения международных интересов византийского двора. Восточно-римская империя постепенно (в особенности к середине IX в.) консолидировала свое международное положение; начиналась новая эпоха подъема авторитета и международно-политической активности византийской империи.¹¹¹

В период первой половины IX в. существенно переменялось положение на восточной границе между Византией и багдадским калифатом. В данном случае для византийско-арабских отношений были характерны мелкие пограничные инциденты, только изредка прерывавшиеся военными действиями более крупных масштабов. Граница между обоими государствами стабилизировалась; и с одной и другой стороны она охранялась линией опорных пунктов — это был своего рода восточный „limes“. Багдадский калифат переставал быть той опасностью, которая до этого времени ставила под угрозу положение между отдельными группами арабского господ-

ствующего класса; часто повторяющиеся заговоры военных кругов никак не поднимали значения Самары, столичного города калифата. В противоположность этому укреплялось положение Персии, соперника Багдадского калифата и потенциального союзника Византии. В середине IX в. в этой области инициатива перешла к Византии и арабы, прежде всего мелитенский эмир Омар, потерпели несколько тяжелых поражений.¹¹² В 863 г. Византия одержала над Омаром блестящую победу, воспетую в тогдашнем эпосе.¹¹³ Частый обмен дипломатическими посольствами между Константинополем и Самарой, в которых принимал участие цвет византийской интеллигенции (в одном из посольств участвовал сам Константин Философ), должны были еще больше укрепить влияние и значение Восточно-римской империи у двора калифа.

Большую политическую активность Византии развила также в восточном Причерноморье. Здесь импульс исходил со стороны формирующегося древнерусского государства, видимо впервые (838 г.) после своего вступления на международное поприще в 813 г., когда по „Житию Афанасия“ русские напали на византийский остров Эгину¹¹⁴, поставившего свои отношения с могущественной византийской державой на прочную основу договора.¹¹⁵

В результате давление русских на некоторое время прекратилось, а его главное направление обратилось против козарского государства, чьи земли простирались восточнее Крыма и между Азовским и Каспийским морями в низовьях Дона и Волги. Русско-византийские отношения ухудшились с тех пор, как козарский каган — видимо в соответствии с интересами Византии, построил при впадении Дона в море мощную крепость Саркел, которая должна была стать преградой на пути проникновения русских в козарские земли. Византия, продолжая традиции почти двухстолетней дружественной политики по отношению к козарской державе, стремилась с ее помощью отвести давление древнерусского государства от собственных владений к берегам Черного моря. Решительное выступление русских около 842 г., когда они напали на области (от Пропонтиды и до Амастриды), находившиеся под владычеством Византии, было прямым ответом на поддержку (а может быть и инициативу), оказанную Византией козарскому двору.¹¹⁶ Новое нападение древнерусского государства на Византию произошло в 860 г. Что было его непосредственной причиной нельзя на основании сохранившихся источников ясно установить.¹¹⁷ Нападение было неожиданным для неподготовленной к нему Византии: император Михаил III незадолго до этого отправился в поход во главе своего войска в Каппадокию против арабов, а константинопольская флотилия вела в южных областях Эгейского моря борьбу против арабских пиратов.¹¹⁸ 18 июня 860 г., как подтверждает Краткая брюссельская летопись, подплыл русский флот, насчитывающий двести кораблей, и Константинополь оказался осажденным с суши и с моря. Только быстрое возвращение Михаила III предотвратило опасность взятия Константинополя, о чем свидетельствуют записи Фотия.¹¹⁹ Для того, чтобы обеспечить безопасность Византии со стороны русских и предупредить возможность новых неожиданностей, двор императора решил отправить к козарам дипломатическое посольство, первой задачей которого было укрепить традиционную дружбу, влияние и положение Византии у двора козарского кагана и кроме того, вести

переговоры об общей борьбе, если бы повторились нападения русских. Посольству, отправившемуся к козарам осенью 860 г., в котором принимал участие Константин Философ и Мефодий, придавалось большое значение. Нашествие русских, о масштабах которого проникли вести в тогдашнюю Европу¹²⁰, вероятно глубоко подействовало на Византию, где осознали, что в лице русских поднимается могущественный сосед, возможность враждебных отношений с которым заставляла Византию укреплять союз с козарами. Одновременно Византия, руководствуясь вековым опытом, стремилась использовать для успеха своей дипломатической акции и мощное идеологическое оружие — христианство. Козары, правда, уже в начале VIII в. приняли христианство, а, может быть, даже в столице козарской державы Итиле был учрежден епископат. Попытки Византии распространить здесь влияние христианства потерпели поражение, в особенности во время борьбы с иконокластами; свои позиции в козарской державе закрепляла религия, основывающаяся на Ветхом Завете, еврейская. В данное же время в период возрождения миссионерской деятельности Фотия, о значении которой как основы политического и культурного влияния Византии нет необходимости особо упоминать, дипломатическое посольство к козарскому кагану приобрело одновременно религиозный характер. В состав посольства 860 г., в котором участвовали выдающиеся византийские сановники, входил и близкий друг Фотия, замечательный преподаватель константинопольского университета, человек близкий к византийским правительственным кругам — Константин Философ и его брат Мефодий. Им была поручена задача изложить перед двором кагана христианское учение и защитить его преимущества по сравнению с еврейской религией и исламом. Есть смысл подчеркнуть, что византийское посольство было осуществлено при одновременной инициативе со стороны козар, просивших послать „ученого мужа“ и подчеркивающих свое желание опять принять христианство.¹²²

Представительное византийское посольство прибыло в декабре или в начале января 861 г. в Крым.¹²³ После зимней остановки в Херсонесе, которой Константин воспользовался для языковедческих занятий (тогда же по преданию ему удалось обнаружить мнимые мощи четвертого римского епископа св. Климента), посольство продолжило путь в Дербент. Все свидетельствует о том, что дипломатическая и политическая миссия посольства была в общем выполнена успешно; по словам автора Жития Константина, справился блестяще со своей задачей и Константин Философ, хотя о прочных результатах нельзя говорить. В его диспутах с еврейскими учеными опять заблестала высокая византийско-эллинистическая образованность, чрезвычайная одаренность Константина и его ученой аргументации.

Умелая византийская дипломатия во время переговоров 860—861 гг., веденных с русскими и в особенности с козарами, добилась того, что северная византийская граница была (до похода Олега на Византию в 907 г.) обеспечена от опасности. Это был несомненно выдающийся успех. С полным правом мог в 866 г. в своем „Окружном послании“ патриарх Фотий сказать, что русские прежде выступавшие против Византии, не только проявляют дружеское отношение, а даже отказываются от язычества.¹²⁴ Византийская дипломатия и восточная церковь одержала новую

победу. Большинство советских историков считает год нападения русских на Константинополь и прибытие византийского посольства в Дербент вехой истории христианизации восточных славян.¹²⁵ После возвращения в Византию посольству был оказан великолепный прием, а Константин Философ был принят самим императором.

Если на востоке и на севере Византия в 60-е годы IX в. добилась в отношениях со своими соседями беспорных дипломатических и политических успехов, то более сложно развивалось ее положение в бассейне Средиземного моря, на Аппенинском полуострове и на западных берегах Адриатического моря. Здесь Византия очутилась в дефензиве. В борьбе с арабами она в 823—825 гг. лишилась Крита, остававшегося до 961 г. под властью арабов, во время восстания Эвфилия Византия шаг за шагом теряла Сицилию, которую захватывали войска северно-африканских Аглабидов; Византия удерживала за собой лишь Сиракузы. Падению своего положения Византия не могла помешать и на Аппенинском полуострове, откуда ее постепенно вытесняли франкские короли, с 800 г. франкские императоры, к которым с середины IX в. присоединился и римский папа, стремящийся к утверждению своей верховной власти в христианском мире. В результате все возрастающие теологические конфликты и организационные отличия между восточной и западной христианской церковью переносились всё больше из сферы теоретическо-догматической в область практической политики. Конфликты между Римом и Византией, обострившиеся в результате изъятия иллирийской области из-под власти папы и подчинением Иллирии константинопольскому патриарху, получили свое завершение в столкновении образованного ученого, опытного политика и дипломата Фотия с честолюбивым папой Николаем I. Фотий опирался на силу и влияние все еще могущественного и в отношении культуры наиболее передового государства Европы, на силу и власть Византии, между тем как Николай I искал поддержку у восточнофранкского короля Людовика Немецкого.¹²⁶ Дипломатическо-политические шаги Людовика Немецкого на Балканах (в Болгарии) и попытка папы христианизировать Болгарию из Рима должны были вызвать решительное сопротивление со стороны Византии.

В этой обстановке был не только реальным и совершенно логичным тот факт, что Ростислав после безрезультатной попытки в Риме обратился в Византию со своей просьбой направить в Моравию епископа, знающего славянский язык и церковное право, который мог бы не только развивать миссионерскую, педагогическую, литургическую деятельность, а также был бы уполномочен дать моравской церкви самостоятельную организацию и обеспечить ее независимость.

Проблематика моравского посольства и отправления Константина Философа и Мефодия в Моравию в настоящее время в общем достаточно изучена наукой. Благодаря достижениям исследователей кирилломефодиевского посольства было освещено много детальных моментов сложного комплекса этого периода нашей национальной и средневропейской истории.

Современная наука — хотя и обращает внимание прежде всего на литературную деятельность славянских вероучителей, а в меньшей мере и менее подробно занимается их миссионерской деятельностью и ее зна-

чением для самой Великой Моравии — совершенно отвергла сверхкритическое отрицание Брюкнером историчности посольства Ростислава и запечатлевших его источников, в первую очередь Жития Константина, Жития Мефодия и Итальянской легенды.¹²⁷ Большинство авторов просто проходите мимо взглядов Брюкнера, не обращая на них внимания; новые аргументы против его неправильных заключений выдвинули в последнее время Ф. Гривец и З. Р. Диттрих.¹²⁸ Гривец доказал историческую подлинность буллы папы Адриана II „Gloria in excelsis Deo“, включенной в Житие Мефодия.¹²⁹ Диттрих пришел к следующим выводам: 1. отправление Константина и Мефодия в Моравию без обращения Ростислава в Византию не имело бы надежды на успех, поскольку не опиралось бы на светскую власть великоморавского князя; 2. Житие Константина было создано в Моравии вскоре после смерти Константина (когда еще существовала живая память о событиях) и предназначалось для Моравии; 3. если бы в Житии встречались неправильные утверждения, то этим бы воспользовались противники славянской литургии, кроме того это должно было бы вызвать немедленную полемику со стороны баварского епископата; 4. различия в описании посольства в Житии Константина и в Житии Мефодия, на которые ссылаются скептики, не носят характера непримиримых противоречий; 5. Житие Константина и Житие Мефодия представляют одно целое, причем в более позднем Житии Мефодия сознательно пропущены некоторые факты, приведенные уже в Житии Константина. Диттрих одновременно подчеркивает, что Житие Константина и Житие Мефодия были созданы на разных этапах развития славянской литургии в Великой Моравии и в результате этого более позднее Житие Мефодия содержит новые факты, новые взгляды, соответствующие новым потребностям.¹³⁰ Выводы Диттриха бесспорно необходимо признать правильными. Кроме того, можно добавить, что исторические факты, о которых идет речь в Житиях, полностью соответствуют исторической действительности, как мы познакомились с ней в результате нашего анализа; далее можно сказать, что эти факты мотивируют и освещают с многих сторон усилия Ростислава в 50-е и в начале 60-х годов, направленные на обеспечение Великой Моравии церковной независимости и создания в результате этого надежной основы укрепления государственной независимости: не было необходимости только в новом проповеднике и миссионере, а в первую очередь в епископе или пресвитере, способном создать самостоятельную церковную организацию, дать ей прочную основу и правовую систему. То же самое имеет в виду автор Жития Константина, когда упоминает о посольстве Ростислава: „От вас бо на все стороны всегда добрый закон исходит“.¹³¹ Слова легенды Жития Константина полностью подтверждаются законодательной деятельностью Мефодия, его переводом Номоканона.¹³²

Постулат Ростислава, переданный очевидно его посольством константинопольскому двору, вытекал видимо из самых насущных внутренних и международных потребностей тогдашнего великоморавского общества; в этом высказывании отражены мечты и устремления общества Великой Моравии, о чем, несмотря на свой религиозный характер, свидетельствуют многочисленные памятники подлинной великоморавской письменности.¹³³ Мог ли Константинополь удовлетворить требование посольства Ростислава или нет, была ли возможность и желание удовлетворить это требование,

не существенно и не определяет сути шага Ростислава. Просьба направить в Моравию епископа была логичным и естественным завершением предшествующего развития, в особенности же развития 50-х и начала 60-х годов IX в. и соответствовала традициям борьбы Великой Моравии за независимость, просьба эта была обусловлена также тогдашними международными политическими факторами. Ростислав, князь независимого Великоморавского государства, после неудачи в Риме мог только из Византии ожидать активную и действенную поддержку и помощь при осуществлении своих международных политических замыслов. В этом шаге Ростислава отражается реальный взгляд на политику государственного деятеля, стоящего на уровне задач своего времени. Обращаясь в Византию, Ростислав, его удельные князья во главе со Святополком и другие „мораване“ видимо осознавали экспансивный характер усилий Византии, ее стремление к распространению влияния ее церкви.¹³⁴ Эти факты нашли отражение в словах моравского посольства, обращенных к византийскому императору: „... но у нас нет такого учителя, который изложил бы нам истинную веру христианскую на нашем языке, чтобы и другие страны, увидев это, следовали бы нам ...“¹³⁵.

О перспективности программы византийской миссии свидетельствуют и слова, с которыми император Михаил выслушав моравское посольство, после совещания с Бардой и императорским советом обратился к Константину: „... вот тебе многие дары, возьми своего брата игумена Мефодия и иди. Ибо вы оба солуняне и все солуняне говорят чисто по-славянски ...“¹³⁶ Традиция перспективности программы сказывается наконец также в ранних церковно-славянских памятниках — в *Прогласе евангелия*, — полемических памятниках, направленных против трезычников — в Каноне святому Димитрию Солунскому, каноне, созданном — в Моравии¹³⁷ и в произведении Климента Велицкого „Похвала святому Кириллу“ или в „Похвальном слове св. Кириллу и Мефодию“.¹³⁸

* * *

Анализируя скудные сведения исторических источников, относящихся к политической и церковной истории Моравии и к тогдашним международным отношениям, пользуясь достижениями археологии, истории литературы, истории религии и христианизации в Средней Европе, мы пришли к следующим выводам: Великая Моравия была всю первую половину IX в. в собственном ядре своей территории независимой от Франкской (Восточно-франкской) империи, вела упорную и трудную борьбу за свою независимость и свободу и развивала целенаправленные действия на международном поприще. Можно допустить, что власть Восточно-франкской империи распространялась только на области между реками Дые, нижним течением Моравы и Дунаем, а и то только временно. Великая Моравия была барьером франкской экспансии в северном и северо-восточном направлениях от бассейна среднего течения Дуная. Процесс христианизации, проходивший всю первую половину IX в. и продолжавший более ранние традиции миссионерской деятельности аквилейско-истрийских монахов, все больше попадает (в особенности после 813 г.) под влияние баварского епископата, усиливающееся влияние которого особенно с 831 г. все больше

угрожает политической независимости христианизированной Великой Моравии. Стремление великоморавского общества к укреплению политической и церковной независимости завершилось изгнанием Ростиславом баварского духовенства и в исторически осознанном стремлении Ростислава обеспечить церковную независимость; в этом отношении Ростислав обратился в Рим, а сразу же после этого в Византию. Историческая доказуемость этого шага Ростислава вне всякого сомнения, она вытекала из внутренних потребностей великоморавского общества, из его политики и вполне соответствовала тогдашним международным отношениям, в которых представители этого общества замечательно ориентировались. Ростислав встает перед нами как реально мыслящий государственный деятель, чья политическая стратегия и дипломатическая тактика вполне соответствовали возможностям и потребностям великоморавского общества. Используя внутренние противоречия Восточно-франкской империи и действуя в соответствии с тенденциями развития в Европе того времени, Ростислав обеспечил своим шагом самостоятельность церковной организации Великой Моравии. Благодаря Константину и Мефодию моравская церковь получила собственную славянскую литургию и одновременно и славянский литературный язык. Реальность политической прозорливости Ростислава доказывает и внимание, с которым было посольство принято у константинопольского двора. Это подтверждает и отношение Михаила III, Барды и Фотия к просьбе Ростислава, а наконец и само отправление в Моравию посольства во главе с блестящим дипломатом, пламенным миссионером, гениальным филологом, человеком близким византийским правительственным кругам, Константином и его братом Мефодием. В решительный момент развития Средней Европы, когда перед лицом великоморавского общества вставала опасность восточно-франкского ига, Ростислав ликвидировал главное орудие экспансии, проникновения и укрепления влияния и власти баварского епископата. С самого начала усилия Ростислава и деятельность вероучителей имели более широкую общеславянскую миссию и направленность. Результаты действий Ростислава и деятельность Константина и Мефодия сделали Великую Моравию и славян полноценными партнерами и создателями европейской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сочинение Константина Порфирогенета „*De administrando imperio*“ — последнее переиздание под редакцией Моравчика-Финкиса (Gyula Moravcsik — E. J. H. Jenkins, „*Constantine Porphyrogenitus*“, Budapest 1949). — О Великой Моравии см. кап. 13.

² Š. Zíbrt, *Bibliografie české historie II.*, Praha 1902, p. 380 sq. Полную библиографию о византийском посольстве первым обработал Г. А. Иллинский, *Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии*, София 1934. Работу Иллинского продолжили М. Попруженко — Ст. Романски, *Кирилло-методиевская библиография за 1934—1940*, София 1942. Работа Иллинского и Попруженко-Романского нашла своих продолжателей в лице Гана (J. Hahn, *Kyryllomethodianische Bibliographie 1939 do 1955*, Gravenhage 1958), далее в болгарской работе „*Кирил и Методий, Библиография на българска литература 1944—1963*“, София 1963. — Обзор новейших советских

исследований дает И. Е. Можаяева — К. Ходова, *Библиографический указатель литературы по старославянскому языку, опубликованной в СССР за период 1945—1961 гг.*, Вопросы славянского языковедения, вып. 7, Москва 1963, стр. 148 ид. — Обширный и нужный обзор литературы приводит F. Grives, *Konstantin und Method, Lehrer der Slaven*, Wiesbaden 1960, *Ciril in Metod. Slovanska blagovestnika sv. Ciril in Metod 863—1963*, Celje 1963. — Ф. Гривец в сотрудничестве с Ф. Томпичем подготовили новейшее издание Жития Константина и Мефодия (*Constantinus et Methodius Thessalonicenses*, Fontes, Zagreb 1960). — С чешской стороны определенным введением в изучение вопроса — инструктивным обзором — является более ранняя работа Поливки, *Naše nejnovější literatura S. M., Athenaeum III*, и Вондрака, *Nejnovejší práce o činnosti slovanských apoštolů Cyrila a Metoděje*, ČSM 1898; особого внимания заслуживает издание Вайса, *Dobrovského dílo Cyril a Metod, apoštolové slovanští* (Spisy a projevy Josefa Dobrovského XII, Praha 1948). — Для историка занимающегося вопросом Великоморавской державы очень ценным является инструктивное рассуждение Ф. Грауса, *Říše velkomoravská, její postavení v současné Evropě a vnitřní struktura*, Materiály Konference o Vel'kej Morave a byzantskej misii, Brno—Nitra 1.—4. X. 1963, Referáty, Nitra 1963, pag. 5—74, далее Я. Филип, Ф. Граус и Л. Голотик подводят итоги трудам чехословацких историков в публикации „25 ans d'historiographie tchécoslovaque 1936—1960“, Praha 1960, подготовленной к XI Всемирному историческому конгрессу в Стокгольме. — Новейший обзор исследований о церковнославянских паннонских легендах дает В. Вавржинец, *Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje*, Rozpravy ČSAV 1963, spol. vědy, seš. 7.

³ František Palacký, *Dějiny ...*, T. I/1, 1862.

⁴ B. Dudík, *Mährens allgemeine Geschichte I—XII*, Brno 1860—1888, T. I, 1860. — B. Dudík, *Dějiny Moravy*, T. I, 1875.

⁵ B. Bretholz, *Geschichte Mährens I/1*, Brno 1893.

⁶ H. Jireček, *Dějiny říše moravské*, Praha 1878. — G. Dobner, *Kritische Abhandlung von den Grenzen Altmährens oder des Grossmährischen Reiches im neunten Jahrhundert*, Borna Abh. einer Privatgesellschaft VI, 1784.

⁷ V. Novotný, *České dějiny I/1*, Praha 1912.

⁸ M. Dvořák, *Dějiny markrabství moravského*, I, Brno 1906.

⁹ V. Husa, *Přehled československých dějin I.*, Praha 1958; его же, *Epochy českých dějin*, Praha 1946. — V. Vaněček, *Malé dějiny státu a práva v Československu*, Praha 1947; его же, *Proních tisíc let*, Praha 1949. — J. Dekán, *Začátky slovanských dějin a Říše velkomoravská*, Slovenské dejiny II, Bratislava 1951. — P. Ratkoš, *Velkomoravské obdobie v slovanských dejinách*, HČ VI, 1958, стр. 3 sq; его же, *Východné oblasti Vel'kej Moravy a starí Maďari*, Konferencia o Vel'kej Morave a byzantskej misii ..., Nitra 1963, стр. 103 ad. — Fr. Graus, *Rex — dux Moraviae*, SPFFBÜ IX, 1960, S 7, стр. 181—190; его же, *Říše velkomoravská, její postavení v současné Evropě a vnitřní struktura*, Konferencia o Vel'kej Morave ..., Nitra 1963, стр. 5 sq.

¹⁰ J. Eisner, *Devinská Nová Ves*, Bratislava 1952. — J. Poulik, *Staroslovanská Morava*, Monumenta archeologica I, Praha 1948; его же, *Jižní Morava — země dávných Slovanů*, Brno 1948—1950; его же, *Starí Moravané budují svůj stát*, Gottwaldov 1963; его же, *Vel'komoravské hradiště Mikulčice*, Brno 1962, aj. — V. Hrubý, *Staré Město, velkomoravské pohřebiště „Na valách“*; V. Hrubý—V. Hochmannová—J. Pavelčík, *Kostel a pohřebiště z doby velkomoravské na Modré u Velehradu*, ČMM 1955; его же, *Velkomoravské hradiško sv. Klimenta u Osvětman*, ČMM 1959, 19 sq. — J. Böhm, *Deux églises datant de l'Empire de Grande—Moravie découvertes en Tchécoslovaquie*, Byzantinoslavica XI/2, 1950. — J. Borkovský, *Staroslovanská keramika ve střední Evropě*, Praha 1940. — B. Chrobovský, *K otázkám historického postavení Nitry v 8. a 9. století*, ŠZAÚ SAV VI, 1961, 135 sq. Из других многочисленных работ, занимающихся великоморавскими памятниками и их культурно-исторической взаимосвязанностью следует привести во всяком случае работы Цибульки, *Proní tři velkomoravské kostely objevené na hradišti u Mikulčic, jejich význam a otázka Metodějova hrobu*, Sborník Soluňští bratři, Praha 1962; его же, *Zur Frühgeschichte der Architektur in Mähren (800—900)*, Festschrift K. M. Svoboda, Wien 1955; его же, *Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu*, Monumenta archeologica VII, Praha 1958.

¹¹ Ф. Граус, *Ранняя стадия развития феодализма в Чехии*, Вопросы истории VI, 1950, стр. 89 и сл. — J. Böhm, *K otázce vzniku feudalismu v českých zemích*, Český lid 6, 1951, p. 162 sq. — F. Graus, *O vzniku feudalismu v českých zemích*, Český lid 6, 1951, p. 282 sq. — Его же, *Dějiny venkovského lidu... I*, Praha 1953. — V. Husa, *K otázce vzniku feudalismu v českých zemích*, ČL 40, 1953, p. 83 sq. — P. Ratkoš, *Počiatky feu-*

dalizmu na Slovensku, НС 2, 1954, p. 252 sq. — J. Poulík, *K otázce počátků feudalismu na Moravě*, Památky archeologické LII, 1961, 498 sq; его же, *Staří Moravané budují svůj stát*, Gottwaldov 1963. — Последняя работа Ф. Грауса, *Říše velkomoravská, její postavení v současné Evropě...*, Nitra 1963, p. 7—8, 16—22.

¹¹ Новое издание т. наз. Географы баварского вышло под редакцией Б. Горака и его ученика Д. Травничека *Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii*, Rozpravy CSAV, SV č. 2, 1956. — Переиздал и дал оценку антимерофидиевскому сочинению французской церковной иерархии от 871 г. „*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*“ М. Кос, Лубляна 1936 г.

¹² J. Vašíčka, *Zakon sudnyj ljudem*, Byzantinoslavica XII, 1951; его же, *K otázce původu Zakona sudného ljudem*, Slavia XXX, 1961; его же, *Metodějův překlad nomokanonu*, Slavia XXIV, 1955.

¹³ Вопрос об общественном значении жизни Кирилла и Мефодия, их миссии а также о работе их учеников и последователей остается еще открытым.

¹⁴ Наряду с обобщающей статьей Ф. Грауса, *Říše velkomoravská, její postavení...* Nitra 1963, в последнее время появляются лишь отдельные статьи по этому вопросу. Это в первую очередь работы Я. Гавлика, *Velká Morava a Franská říše*, Historické štúdie VIII, 1963, 129 sq., и его *Byzantská mise a Velká Morava*, Sb. MM, Brno 1963, стр. 105 и *Poznámka k otázce suverenity velkomoravských panovníků*, Rodné zemi 1958, p. 48 sq. В чешской историографии самостоятельные статьи с более широкой тематикой лишь коснулись великоморавско-франкских отношений. Здесь следует в первую очередь привести статьи Зд. Фиалы, *Vztah českého státu k Německé říši do počátku 13. století*, Sborník histor. VI, 1959; Fr. Graus, O „prácně historický“ výklad dějin středověku, CsČH II, 1960. Из многочисленных работ немецкой историографии занимающихся моравско-франкскими историко-правовыми отношениями приведем хотя бы статью Н. Mitteise, *Rechtsgeschichte und Machtgeschichte, Die Rechtsidee in der Geschichte*, Weimar 1957. — С другой стороны здесь нельзя обойти молчанием некоторые новейшие немецкие работы, хотя в некотором смысле мы можем сомневаться в их деловой объективности. Речь идет в первую очередь о статье W. Wegener, *Böhmen-Mähren und das Reich im Hochmittelalter, Untersuchungen zur staatsrechtlichen Stellung Böhmens u. Mährens im Deutschen Reich des Mittelalters* (919—1253), Köln-Gratz 1959; J. Scheiding-Wulkopf, *Lehensherrliche Beziehungen der fränkisch-deutschen Könige zu anderen Staaten vom 9. bis zum Ende des 12. Jahrhundert*, Marburg 1948. — Работы Вегенера критиковал Зд. Фиала в статье „*Revansistická kniha o poměru českého státu k středověké říši*“, CsČH II, 1960, p. 186 sq.

¹⁵ Первым сообщением о наших землях в франкских источниках является сообщение хроника Фредегара о державе Само (см. В. Krusch, *Monumenta Germaniae historica-Scriptores rerum Merovingarum II*), которое последним обширно и внимательно разобрал польский историк Г. Лабуда, *Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona*, Poznań 1949. — Со времен державы Само до начала IX в. прошло более полтора века; в это время произошли в социальном организме западных — чешских, моравских и панновских славян большие изменения, которые в Моравии, повидимому, достигли наивысшего уровня и привели к возникновению надплеменной государственной организации.

¹⁶ По этому вопросу см. Е. Dümmler, *Geschichte des ostfränkischen Reiches I—II*, Berlin 1862—65; последнее издание F. Prinz, *Herzog und Adel im agilulfsingischen Bayern*, Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte Bd. 25, 1962, p. 283 sq. По вопросу церковной политики см. А. Hauck, *Kirchengeschichte Deutschlands*, 8. Auflage, Berlin—Leipzig 1954. — W. Delius, *Geschichte der irischen Kirche*, München—Basel, 1954. — R. C. Bauerreis, *Kirchengeschichte Bayerns*, München 1956. — Th. Schieffel, *Winfrid-Bonifatius und die christliche Grundlegung Europas*, Freiburg 1954 и др.

¹⁷ См. выше, прим.

¹⁸ См. последнее издание J. Poulík, *Archeologické objevy o Velké Moravě*, Konferencija o Vel'kej Morave ..., Nitra 1963, стр. 75 i d.

¹⁹ J. Poulík, *Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti „Valy“ u Mikulčic*, PA XLVIII, 1957, 341—388.

²⁰ V. Hrubý, *Velkomoravská města a velmožské dvorce*, Ref. o prac. výsledcích čl. archeologů za rok 1960, I, Liblice 1961, стр. 96 sq. — J. Poulík, *Velkomoravské hradiště Mikulčice*, Brno 1962; его же, *Archeologické objevy o Velké Moravě*, Konferencija ... Nitra 1963, стр. 85—86.

²¹ *Annales regni Francorum* inde ab anno 741 usque a. 829, qui dicuntur Annales Lauris-

senses maiores et Einhardi. Post edit. G. H. Pertzii recognovit F. Kurze, MG. SS in us. scholarum, Hannover 1895.

²² Ibidem, ad a. 791, p. 88: „... supradictus vero princeps (i. e. Carolus — Ф. Г.) de australi parte Danubio iter peragens, Saxones autem cum quibusdam Francis et maxime plurima Frisonum de aquilonale parte Danubii similiter iter peragentes ... Supradictus exercitus sic iter peragens usque ad fluvium, cuius vocabulum est Raba ...“

²³ Ibidem, p. 89: „... alias vero copias ... per Beeheimos via, qua venerant, reverti praecepit ..., Saxones autem et Frisiones cum Theoderico et Meginfrido per Beeheimos, ut iussum erat, domum regressi sunt ...“

^{23a} В 797 г. припоминается поход в Паннонию — Cf. *Annales Alamannici*, ed. Pertz, MGHSS I, ad a. 797. — *Annales ergni Francorum* ad a. 796. — *Annales Guelferbitani*, ed. Pertz, MGHSS I, ad a. 797.

²⁴ *Annales Mettenses priores*, primum recognovit B. de Simson, Hannover—Leipzig 1905, p. 90; *Annales regni Francorum (Laurissenses)*, p. 118; *Annules Lobienses* ad a. 803, MGHSS XIII, p. 224; *Reginonis Prumiensis Chronicon* ad a. 803, G. H. Pertz, MGHSS I, 537 sq.

²⁵ Все исторические сообщения говорят о том, что речь идет о славянском населении Паннонии. Особенно однозначно говорят *Annales Maximiniani*, ad a. 800 et 803, MGH SS XIII, 881, p. 23: „... Imperator autem ... causas Avarorum et Pannoniorum disponens...“

²⁶ *Annales Mettenses priores*, B. de Simson, Hannover—Leipzig 1905, p. 93, ad a. 805: „... carpcanus princeps Hunorum ... imperatorem adiit, postulans sibi locum dari ad habitandum inter Sabariam et Carnuntum, qia propter infestationum Sclavorum in pristinis sedibus esse non poterat. Quem imperator benigne suscepit — erat enim carpcanus christianus, nomino Theodorus ...“

²⁷ Франкские летописи подтверждают, что речь шла о борьбе славян против господствующего положения авар. См. по этому вопросу также *Annalium veterum fragmenta partius ex Mettensibus desumpta*, MGH SS XIII, 1881.

²⁸ См. также *Annales regni Francorum*, p. 119; *Annales Fuldenses*, post editionem G. H. Pertzii recognovit Fr. Kurze, Hannover 1891, p. 16; *Annales Tiliiani*, MGH SS I, 1926, p. 223; *Reginonis abbatiss Prumiensis Chronicon*, p. 65; *Annales Lobienses*, MGH SS XIII, 1881, p. 230; *Annalista Saxo*, MGH SS VI, 1844, p. 565 sq.

²⁹ Horák—Trávníček, *Descriptio civitatum ...*, Rozpravy ČSAV 66, 2, Praha 1956. — L. Havlík, *Moravané v údajích frankobavorského Descripta*, HČ VII/2, 1959, p. 288 sq. — H. Lowmiański, *O pochodzeniu Geografa bawarskiego*, Roczniki historyczne XX/1, 1955; его же, *O identyfikacji nazw Geografa bawarskiego*, Studia źródłoznawcze III, 1958.

³⁰ *Einhardi Vita Caroli Magni*, ed. G. H. Pertz—G. Waitz, Hannover 1911, p. 16 sq.

³¹ Ibidem, c. 15: „... barbaras ac feras nationes ... ita perdomuit, ut eas tributarias efficere, inter quas fere praecipuae sunt Weletabi, Sorabi, Abodriti, Boemanni, cum his namque bello conflixit ...“ — Fr. Palacký, *Dějiny ... I/1*, str. 121. — W. W. Tomek, *O právním poměru Čech k někdejší říši německé*, ČCM 1857, 353 sq.

³² G. Friedrich, *Codex diplomaticus ... I*, č. 2. — *Annales Mettenses priores p. 93*. — *Annales regni Francorum*, p. 119 sq. — *Annales Fuldenses* sive *Annales regni Francorum orientalis* ab Einhardo, Ruodolto, Meginhardo, Fuldensis cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus (ed. F. Kurze), Hannover 1891 p. 16. — *Chronicon Moissiacense*, MGHSS, II, 1829, p. 258. — Ad annum 806; *Annales regni Francorum*, p. 122. — *Reginonis Chronicon*, p. 66.

³³ Ibidem.

³⁴ *Annales regni Francorum*, ad a. 811, p. 134 sq.: „... Imperator ... in tres partes regni sui totidem exercitus misit, unum trans Albiam in Linones, qui et ipsos vastavit ..., alterum in Pannonias ad controversias Hunorum et Sclavorum finiendas ... fuerunt etiam Aquis adventum eius (i. d. imperatoris Ф. Г.) expectantes, qui de Panonia venerunt ... et alii primores ac duces Sclavorum circa Danubium habitantium, qui a ducibus copiarum, quae in Pannoniam missae fuerunt, ad praesentiam principis iussi venerunt ...“ — *Annales Fuldenses*, p. 18. — *Reginonis Chronicon*, p. 71. — *Annales regni Francorum*, ad a. 815, p. 142.

³⁵ Friedrich, *CDB I*, No 3.

³⁶ *Annales regni Francorum*, p. 142.

³⁷ *Theganni Vita Hludovici imperatoris*, MGHSS II, 1829, p. 589 et p. 593.

³⁸ „... In quo conventu omnium orientalium Sclavorum, id est Abodritorum, Soraborum, Wilzorum, Beheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum, et in Pannonia residentium

Avarum legationes cum muneribus ad se directas audivit ...“ *Annales regni Francorum*, p. 159. — V. Novotný, *České dějiny I/1*, str. 281.

³⁹ *Theganni Vita Hludovici imperatoris*, p. 593, ad a. 816: „... anno sequenti (i. d. 817 — Ф. Г.) direxit exercitum suum contra Sclavos, in oriente positos; qui valde opresserunt eos, et victores deo donante extiterunt ...“

⁴⁰ *Annales regni Francorum*, p. 159.

⁴¹ Zd. Fiala, *Vztah českého státu k německé říši do počátku 13. století*, Sborník historický VI, 1959, p. 23 sq.

⁴² V. Vavřínek, *Církevní misie v dějinách Velké Moravy*, Praha 1963.

⁴³ L. Havlík, *Byzantská mise a Velká Morava*, Sborník Matice mor. 82, 1963, 106; его же, *Velká Morava a Franská říše*, Historické štúdie VIII, 1963, p. 134 sq.; его же, *Moravané v údajích franko-bavorského Descriptia*, HČ VII/2, 1959, p. 288 sq.

⁴⁴ V. Novotný, *České dějiny I/1*, 1911, p. 281 sq.

⁴⁵ J. Dekan, *Začiatky slovenských dejín a Ríša veľkomoravská*. Slovenské dejiny II, Bratislava 1951, p. 46 sq.

⁴⁶ V. Vavřínek, *Op. cit.*, p. 17.

⁴⁷ L. Havlík, *Velká Morava a Franská říše*, HŠ VIII, 1963, p. 136.

⁴⁸ Z. Fiala, *Vztah českého státu k německé říši do počátku 13. stol.*, Sborník historický VI, 1959.

⁴⁹ L. Havlík, *Velká Morava a Franská říše*, HŠ VIII, p. 135—138.

⁵⁰ *Annales regni Francorum*, p. 159; „... ibique (i. d. Frankfurt — Ф. Г.) generali conventu congregato necessaria quaeque ad utilitatem orientalium partium regni sui pertinentia more solemni cum optimatibus, quos ad hoc evocare iusserat, tractare curavit ...“

⁵¹ Здесь я согласен с Гавляком, *op. cit.*, p. 134.

⁵² Так в 805 г. император Карл Великий вручил дары аварскому правителю Феодору, который зависел от него. — Cf. *Annales Mettenses priores*, ad a. 805, p. 93. — *Annales Mettenses posteriores*, p. 104. — *Annales regni Francorum*, p. 119. — *Annales Tiliiani MGH SS I*, ed. Pertz, Hannoverae 1826, ad a. 805, p. 223. — В 845 г. ободриты подтверждают мир и дружбу с Людовиком Немцем дарами и заложниками — см. *Annales Xantenses*, SRG 1909, p. 15. — Наконец и даже дань не должна обязательно свидетельствовать о зависимости. Так в 869 г. узнаем, что западнофранкский король Карл II Лысый, который часто отбивал атаки „язычников“, предложил последним давать дань, хотя он никогда не был их вассалом и не зависел от них. Cf. *Annales Xantenses*, ad a. 869.

^{53a} J. Poulik, *Starší Moravané ...*, p. 120 sq.; его же, *Jižní Morava ...*, p. 33, 95—96, 116—117; его же, *The Latest Archeological Discoveries from the Great Moravian Empire*, *Historica I*, Praha 1959; F. Kalousek, *Velkomoravské hradišť Pohansko u Břeclavě*, (*Der Grossmährische Burgwall Pohansko bei Břeclav*) AR XII, 1960, p. 496 sq.; его же, *Velkomoravské hradisko ve Znojmě*, Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univ. IV, č. 2, p. 1—30. С точки зрения Дюмлера (*Geschichte des Ostfränkischen Reichs I/2*, p. 28) граница древнеморавского государства проходила в то время по Дунаю.

⁵⁴ V. Novotný, *České dějiny I/1*, p. 291 sq. — Более раннюю дату объединения (825 г.) приводит M. Schwartz, *Untersuchungen über das mährisch-slowakische Staatswesen des 9. Jahrhunderts*, München 1942, p. 36 sq.; его выводы не доказаны.

⁵⁵ M. Kos, *K historii kniežata Pribinu a jeho doby*, J. Stanislav, Ríša veľkomoravská.

⁵⁶ Cf. *Annales regni Francorum* inde ab anno 741 usque ad annum 829, qui dicuntur *Annales Laurissenses maiores et Einhardi*, post ed. G. H. Pertzii recognovit F. Kurze, SRG, Hannoverae 1895, ad a. 824, 825, 826, 827 a 829. — *Annales Fuldenses*, p. 35.

^{56a} Cf. *Annales Bertiniani* ad a. 832, SRG Hannoverae 1883, p. 4. — *Annales Fuldenses* ad a. 840 p. 30. — *Vita Hludovici imper.*, 1829, p. 646.

⁵⁷ V. Novotný, *České dějiny I/1*, 1912, p. 294.

⁵⁸ *Annales Fuldenses* auctore Ruodolto, ad a. 845.

⁵⁹ *Ibidem*. — E. Dümmler, *Geschichte des Ostfränkischen Reiches I*, Leipzig 1887, p. 284—285.

⁶⁰ Bachmann, *Geschichte Böhmens I*, p. 97.

⁶¹ V. Novotný, *Adolfa Bachmanna Geschichte Böhmens*, ČCH IX, 1903, p. 174 sq.

⁶² L. Havlík, *Velká Morava a Franská říše*, Historické štúdie VIII, 1963, p. 140.

⁶³ *Annales Fuldenses* auctore R., ad a. 846: „... circa mediam mensem Augustum cum exercitu ad Sclavos Margenses defectionem molientes profectus est. Ubi ordinatis et iuxta libitum suum compositis rebus ducem eis constituit Rastizem ...“

^{63a} Личность Прибины, упоминаемая в *Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum* от 871 г., находилась в центре интереса в особенности словацкой историографии.

Историко-психологические и церковно-правовые размышления и комбинации (см. *Prybinov nitrianský kostolík*, Bratislava 1941) Рапанта остаются только интересными гипотезами, иногда они могут дать толчок исследователю, но отождествлять их с исторической действительностью нельзя. Ближе к истине, кажется, стоит взгляд Декана на торговую франкскую колонию в Нитре, существовавшую в городе в течение всей эпохи Великоморавского государства (*Slovenské dejiny II*, 1951, p. 51). При этом нельзя пройти мимо утверждения Декана, что период после 833 г. необходимо характеризовать как антинемецкий. Никакие источники не дают права сделать такое заключение; мы считаем, что это анахронизм, представление XIX в. перенесенные в IX в. Но как бы там ни было, факт, что франки, у которых искал убежища и помощи Прибина со своим сыном Коцелом и с женой немкой (как предполагает Рапант), не могли ничего добиться от Моймира в пользу своего вассала и даже не попытались сделать этого. Это свидетельствует лишь о том, что положению Великоморавского государства при Моймире было не только прочным и вызывало уважение у франкских агрессоров, но и о том, что оно не зависело от их власти. И даже в 846 г., когда при вмешательстве Людовика Немца в моравские дела представился блестящий случай для возвращения Прибины в удельное княжество Нитры, надежды последнего не сбылись и верный вассал восточно-франкского государства должен был довольствоваться только подаренными 100 ланами на реке Влахау.

⁶⁴ *Annales Hildesheimenses*, ed. G. Waitz, Hannover 1878, SRG, ad a. 846, p. 17: „... Ludovicus rex, filius Ludovici, Pannoniam subiegit ...“ — *Annales Altahenses maiores* ad a. 846, p. 5: „... Ludovicus filius Pannoniam subegit, revertens Beheimos vastat ...“ *Annales Quedlinburgenses*, MGH SS III, 1836, ad a. 846, p. 46.

⁶⁵ *Annales Bertiniani* ad a. 847, p. 35: „... Hludowici Germanorum regis exercitus adversus Sclavos prospere dimicant, ita ut quod ante annum (i. e. 846 — Ф. Г.) ex eis amiserat reci pere...“ Это сообщение, если подвергнуть анализу записи всех летописей к 846 г., может говорить только о Чехии. — Cf. V. Novotný, *ČCH IX*, str. 174; его же, *ČD I/1*, p. 295.

⁶⁶ *Annales Fuldenses* ad a. 848, p. 37. — *Annales Bertiniani*, p. 35.

⁶⁷ *Annales Fuldenses* ad a. 849, p. 38. — *Annales Xantenses*, p. 217, R. Rau, Quellen II, p. 339—361.

⁶⁸ V. Novotný, *ČD I/1*, p. 300 sq. — L. Havlík, *Velká Morava a Franská říše*, p. 141.

Гавлик высказывает совершенно обратное суждение, чем В. Новотный, о взглядах которого Гавлик умалчивает. Новотный видит в личности Растиза — Ростислава расудительного и осторожного политика, он отрицает мнение, что с личностью Ростислава можно связывать широко продуманные политические концепции, что нигде нет и следа замыслов Ростислава оторвать Моравию от Франконии (*ČD I/1*, 299—300); по Новотному конфликт Ростислава с Франконией возник только потому, что Ростислав не понял, что усиление его власти должно вызвать опасение у Восточно-франкской империи за свои интересы. Этим взглядом Новотного противоречит свидетельство документов, относящихся к деятельности Ростислава и в особенности к его продуманному подходу к вопросу о христианизации, совершенно лишенному политической изысканности. Для начального этапа его правления, о котором у нас весьма мало сведений и гораздо больше гипотез, можно допустить известную меру оппортунизма по отношению к франкской империи. Гораздо более соответствующими истинной историчности мы считаем размышления Декана об этом периоде правления Ростислава. (*Slovenské dejiny II*, 1951, p. 56—58.)

⁶⁹ К половине марта 855 г. был против чехов отправлен в поход вспомогательный отряд под руководством баварского герцога Эрнеста с явной целью воспрепятствовать возможности угрозы со стороны чешских князей. Можно даже считать, что франки опасались возможности соединения чешских и моравских сил. Уже годом раньше (854 г.) напал на моравские укрепления Ратбод, правитель восточной марки.

⁷⁰ *Annales Fuldenses*, ad a. 855: „... Hludowicus in Sclavos Margenses contra Rastizen ducem eorum sibi rebellantem parum prospere ducto exercitu sine victoria rediit, malens adversarium firmissimo, ut fertur, vallo munitum ad tempus dimittere ...“ — V. Novotný, *ČD I/1*, p. 302.

⁷¹ *Herimanni Augiensis chronicon*, MGHSS V, Hannoverae 1844, p. 105, ad a. 855: „... Quo reverso (i. e. Ludovico — F. H.), Marahenses secuti, contigua trans Danubium loca vastant ...“.

⁷² *Annales Fuldenses* ad a. 857: „... Otgarius episcopus et Hruodoltus comes ... et Ernestus ... cum hominibus suis in Boemanos missi civitatem Wiztrachi ducis ab annis

multis rebellem occupaverunt, expulso ab ea Sclavitago filio Wiztrachi, ... Quo per fugam lapsos et ad Rastizen se conferente ...“

⁷³ G. Friedrich, *CDB I*, č. 7. — V. Novotný, *ČD I/1*, p. 302. — Dümmler, *Geschichte des Ostfr. Reiches I/2*, p. 388.

⁷⁴ Утверждение Гавлика, что в 856 г. и 857 г. произошли столкновения моравян с франками засвидетельствовано источниками. — L. Havlík, *Velká Morava a Franská říše*, Historické studie VIII, p. 132.

⁷⁵ Dümmler, *Geschichte...* I/2, 399 sq. — J. Dekan, *Slovenské dejiny II*, 63—64. — V. Novotný, *ČD I/1*, 306.

⁷⁶ *Annales Fuldenses* ad a. 856, p. 47, ad a. 857, p. 47. — *Annales Bertiniani*, p. 46. — *Herimanni Augiensis Chronicon*, p. 105.

⁷⁷ *Annales Fuldenses*, ad a. 858, p. 49.

^{77a} *Annales Iuvaventes antiq.*, ed. Bresslau, ad a. 858, 28.

⁷⁸ J. Dekan, *Slovenské dejiny II*, 67 sq.

⁷⁹ *Conversio*, c. 13: „... in castro ... Mosapure vocato, quod illi (i. e. Koceli — Ф. Г.) successit moriente parte suo Priwina, quem Morawi occiderunt ...“

⁸⁰ *Annales Bertiniani*, p. 55: „... Carlomannus, filius Rasticii regis Germaniae sibi, cum Rasticio, Windorum regulo foederatur, a patre deficit Rusticium auxilio magnam sibi partem usque ad Hin fluvium paterni regni praesumit ...“ — *Ibidem*, ad a. 862, p. 59—62.

⁸¹ F. Juraschek, *Die Reihung der Tradition im Passauer „codex antiquissimus“*, MIOG (Mitteilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung) LXVI, 1958. — V. Vavřínek, *K otázce počátků christianizace Velké Moravy*, Listy filologické VII, 1959.

⁸² V. Vavřínek, *Die Christianisierung und Kirchenorganisation des Gross-Mährens*, Historica VII, 1963, 5 sq. — Z. R. Dittrich, *Christianity in Great-Moravia*, Bidragen van het Instituut voor middleeuwse Geschiedenis der Rijksuniversiteit te Utrecht XXXIII, Groningen 1962.

⁸³ *MGH-Epistolae*, Bd. IV, NO 93, p. 137, sq.

⁸⁴ J. Poulik, *Starí Moravané ...*, p. 103; его же, *Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti „Valy“ u Mikulčic*, Památky archeologické 49, 1957, p. 241 sq. — V. Hrubý, *Archeologický výzkum v Sadech u Uherského Hradiště*, 1960, p. 11 sq.; его же, *Staré Město. Velkomoravské pohřebiště „Na valách“*, Monumenta archaeologica III, 1955. — J. Cibulka, *Velkomoravský kostel v Modřě u Velehradu a začátky křesťanství na Moravě*, MA VII, 1958.

⁸⁵ *Annales regni Francorum* (ed. F. Kurze), Hannoverae 1895, ad a. 796, p. 98 sq. — A. Brackmann, *Die Anfänge der abendländischen Kulturbewegung in Osteuropa und deren Träger*, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 1938, Bd. 3, p. 185 sq.

⁸⁶ *MGH — Epistolae IV*, p. 153 sq.

⁸⁷ *Conversio* c. 14, ed. Kos, p. 59—60, 140 sq.

⁸⁸ J. Poulik, *Starí Moravané ...*, p. 143 sq.

⁸⁹ G. Friedrich, *CDB I*, No 5, p. 4.

⁹⁰ П. А. Лавров, *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*, Труды славянской комиссии, Т. 1, Ленинград 1930, ЖК, к. XIV, стр. 26: „... людемъ нашимъ поганства сѧ отвѣрꙋгшимъ, и по христіанскѧ сѧ законъ дръжацимъ, оучителѧ не имамъ таковаго, иже бы ны въ свои языкъ истоую вѣроу христіанскую сказаль ...“

⁹¹ *Ibidem*, K. XV, p. 28—29; „... Не токмо же се едино глаголахоу, но и иномоу бещиьно оучѧхоу, глаголюще; Іако подъ землею живоутъ чловеци велеглави, и весь гадъ дѣволѧ тварь есть, и аще кто оубиеть змию, девати грѣхъ избоудеть того ради. Аще чловѣка оубиеть кто, три мѣсѧци да пиеть въ древанѣ чаши, а стекланѣ сѧ не прикасаеть. Не бравѧхоу же жертьвѣ творити по перьвомоу обычаю ни женитьвѣ бещиьныхъ творити. Все же се, іако терпие посѣкъ, словеснымъ огнемъ попали, глагола: пророкоу глаголющю осемѣ: пожри богови жертвоу хвалѣ, и въздаждь вышнему молитвы твоѧ. Жены же оуности твоѧ не отпуости. Аще бо ю възненавидѣвъ отпуостиши, не покреть нечьст похоти твоѧ, глаголетъ господь вседержителъ. И скринитесѧ доумомъ вашимъ, и да не оставитъ кождо васъ жены оуности своѧ. И сихъ, иже ненавидѣхъ, творасте, іако богъ свѣдѣтельствова, между тобою и между женоу оуности твоѧ, коже еси оставилъ, и та обѣщница твоѧ, и жена завѣта твоего. И въ евангеліи глагола: слышасте, іако речено есть древнимъ: не створиши прелюбы. Азъ же глаголю вамъ, іако всѧкъ, иже възреть на женоу похотѣти еи, оуже прелюбы с нею срѣдцемъ своимъ створилъ есть ...“

⁹² V. Hrubý, *Staré Město ...*, passim. — J. Poulik, *Starí Moravané ...*, p. 67 sq.

⁹³ V. Vavřínek, *Die Christianisierung und Kirchenorganisation ...*, Historica VII, 1963, p. 25—27.

⁹⁴ A. Backmann, *Die Anfänge der Slawenmission und die Renovatio imperii des Jahres 800*, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft, Phil.-hist. Klasse IX 1931, p. 72 sq. — *MGH — Cons. II/1*, No 20, p. 174 sq. — *MGH Diplomata Carolina I*, No 211, p. 282 sq. — Аквилена не принимала участия только в начальном этапе деятельности миссионеров в землях славян Дунайского бассейна. О том, что и в 60-е годы IX в. здесь действовали и другие миссионеры, кроме баварских, говорится в Житии Мефодия в связи с отправлением посольства к императору Михаилу III. — См. Лавров, *Материалы по истории...*, 1930, стр. 71—72: „... Прилучи же сѧ въ ты дни, Ростиславъ ... посъласта из Моравы къ царю Михайлоу глаголюща тако: Тако божиею милостию съдрави Исѣмъ, и соузе къ ны въшыли оучители мнози крѣстьяни из Влахъ и из Грькъ и из Нѣмьць, оучаще ны различь, а мы Словѣни проста чады и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ съказаль ...“ В последнее время бесспорно доказывает даламатинско-истрийские влияния тип церкви в Садах у г. Угерске Градиште и церкви № 6 в Миякульчицах — ротунда с двумя абсидами. — См. J. Pouлік, *Starí Moravané ...*, p. 103 sq. — V. Vavřínek, *Die Christianisierung ...*, p. 20 sq; его же, *Předcyrilometodějské misie na Velké Moravě*. К výkladu 5. kapitoly staroslověnského Života Metodějova, *Slavia* 32, p. 163. — Etienne Kniezsa, *Autor du problème des traditions de Cyrille et Méthode*, *Etudes Slaves et Roumaines*, Budapest 1948, I/4, p. 237 sq.

⁹⁵ G. Friedrich, *CDB I*, No 30, p. 30; „... adeo ut via episcopo et predicatoribus illo non esset, sed libitu suo egorunt, que voluerunt ...“

⁹⁶ *Annales Fuldenses*, p. 30.

⁹⁷ G. Friedrich, *CDB I*, — 7, p. 000. — Novotný, *ČD I/1*, p. 301—302.

⁹⁸ *Annales Fuldenses* auctore Ruodolfo, ad a. 857, p. 47.

⁹⁹ Взгляд В. Новотного (ČDI/1, p. 317), что речь шла только о внутриполитических вопросах значительно одноносторонний.

^{100a} L. Hauptmann, *Uloga Velikomoravske države u slovensko-njemačkoj borbi za Podunavlje*, *Rad* 243 Jugosl. akad., 1932, 197 sq.

¹⁰⁰ Булла папы Адриана II „*Gloria in excelsis Deo*“, *ŽM* 8, Лавров, c. d., p. 73—74.

^{100a} Schrörs, *Hinkmar von Reims*, 1884, p. 220 sq. — Hauck, *Kirchengeschichte Deutschlands II* 3, 4, 1912, p. 543 sq.

¹⁰¹ A. Lapotre, *L'Europe et le Saint-Siège a l'Epoque carolingienne I*, Paris 1895. — F. Gregorovius, *Geschichte der Stadt Rom*, Bd. III, 1890, p. 147 sq. — F. X. Seppelt, *Das Papsttum im Frühmittelalter*, Geschichte des Papsttum, Bd. II, Leipzig 1934, p. 241 sq. — E. Dümmler, o. c., p. 397 sq. — Johannes Haller, *Nikolaus I. und Pseudoisidor*, Stuttgart 1936, p. 4—15. — E. Amann, *L'époque carolingienne*, Histoire de l'église VI., Paris 1937, p. 360 sq.

¹⁰² Friedrich, *CDB I*, № 10, p. 6—7.

¹⁰³ *MGSS XXV*, *Hist. episc. Patav.*, ad a. 831 et 838.

¹⁰⁴ *Annales Fuldenses* ad a. 863, p. 56: „... rex (Hludowicus) collecto exercitu specie quidam quasi Rastizen Margensium Sclavorum ducem cum auxilio Bulgarorum ab oriente venientium, ut fama fuit, domaturus ...“

^{104a} A. V. Isačenko, *Začiatky vzdelenosti vo veľ'komoravskej ríši*. Príspevok k dejinám západoslovanského písomníctva predcyrilometodějského, Turč. sv. Martin, 1948.

¹⁰⁵ Лавров, *Материалы ...*, ЖК XIV, стр. 26: „... То послѣ намъ, владыко, епископа и оучителѧ такового ...“

¹⁰⁶ *FRB I*, *ŽK XIV*, p. 27, *ŽM V*, p. 43—44; *ibidem*, Vita S. Constantini cum translatione S. Clementis, p. 96. — П. А. Лавров, *Материалы ...*, ЖК XIV, стр. 26; *ЖМ V*, стр. 71.

¹⁰⁷ J. Vašica, *Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit „Zakon sudnyj ljudem“*, *Byzantinoslavica XII*, 1951, 154—174; *idem*, *K otázce původu Zakona sudného ljudem*, *Slavia XXX*, 1961, p. 1—19. — V. Vavřínek, *Staroslověnské životy Konstantína a Metoděje*, *Rozpravy ČSAV*, R. 73, seš. 7, Praha 1963, стр. 32. — П. А. Лавров, *Материалы ...*, ЖК XIV, стр. 26; „... ѿтъ вастъ бо на всѧ страны вьсегда добрыи законъ исходить ...“

¹⁰⁸ *FRB I*, *ŽK XIV*, p. 27. — П. А. Лавров, *Материалы ...*, ЖК XIV, стр. 26 „... Ростиславъ бо, Моравскыи князь, богомъ оустимъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими и с Моравяны, посла къ царю Михайлоу ...“

¹⁰⁹ V. Bartůňek, *Život sv. Cyrila a Metoděje*, *Solušňiti bratři*, Praha 1963, p. 9 sq. — F. Fuchs, *Die höheren Schulen von Konstantinopol im Mittelalter*, Leipzig—Berlin 1926, 18 sq.

¹¹⁰ Вопрос христианизации Болгарии см. А. Бурмов, *Против буржуазно-идеалистических становияния по вопросу за начало на христианството в България през IX в.*, Исторически преглед 1954, 2, стр. 36 и д. — Георгиев, *По въпроса за христианизацията на средновековна България*, Ист. преглед 1954, 5, стр. 82 и д. — *Кратка история на България*, София 1958. — См. тоже Hergenröther, *Photius Patriarch*, Bd. I, p. 337 sq. — Heфеle-Leclercq, *Histoire des Conciles*, T. IV, 1, p. 252 sq. — Kattenbusch, *Realencyklopädie für protest. Theologie*, Bd. XV, p. 370 sq.

¹¹¹ J. V. Burg, *History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I* (802—867). London 1912. — Fr. Dvornik, *La lutte entre Byzance et Rome à propos de l'Illyricum au IXe siècle*, Mélanges Ch. Diehl, Paris 1930. — Ф. И. Успенский, *История Византийской империи*, Т. II, ч. 1, 1927, стр. 219 и сл.

¹¹² J. V. Burg, *A History ...* III, p. 267—285. — Успенский, *История византийской империи* II/1, 1927, стр. 343 и д.

¹¹³ Constantini Porphyrogeneti *De ceremoniis aulae byzantinae*, Т. I, p. 332—333.

¹¹⁴ М. Слабченко, *Проложное сообщение о предлетописной Руси*, Исторический журнал 1942, 7, стр. 129. — I. М. Шекера, *Міжнародні зв'язки Київської Русі*, Київ 1963, стр. 52 и сл.

¹¹⁵ *Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.*, стр. 23.

¹¹⁶ В. Г. Васильевский, *Житие св. Георгия Амастридского*, Труды III, 64.

¹¹⁷ Fr. Sumont, *Chroniques byzantines du manuscrit 1136*, Anecdota Bruxellensia I Gand 1894, p. 33 sq.

¹¹⁸ О том, что русские были хорошо информированы о нападении арабов на Византию свидетельствует запись Никоновской летописи — См.: ПСРЛ, Т. IX, стр. 7. — В. И. Ламанский, *Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение*, ЖМНП 1903, VI, стр. 383.

¹¹⁹ Е. Ловягин, *Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь*, Христианское чтение, ч. 2, 1882, стр. 430—455. — См. тоже *Повесть временных лет*, к. 1, *Лаврент. летопись*, М. Л. 1950, стр. 17.

¹²⁰ М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, Москва 1956, стр. 73 и сл.

¹²¹ *Вопрос киевско-визант. договора 860 г.* см.: И. У. Будовниц, *Общественно-политическая мысль древней Руси*, Москва 1960, стр. 51.

¹²² *ŽK VIII*. — См. тоже V. Bartůňek, *Život sv. Cyrila a Metoděje*, Soluňští bratři, Praha 1963, str. 27.

¹²³ См. I. Франко, *Св. Климент у Корсуні*, Записки Наукового тов. ім. Т. Шевченка, Т III—IV, Львів 1904, стр. 298—300.

¹²⁴ П. Успенский, *Четыре беседы Фотия*, Спб 1864, стр. 52—54.

¹²⁵ Б. Д. Греков, *Киевская Русь*, 1953, стр. 477. — Его же, *Исторические условия образования Древнерусского государства*, Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв., ч. 1, М.—Л. 1953, стр. 57 и сл. — В. В. Мавродин, *Образование Древнерусского государства*, 1945, стр. 215 и сл. — М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, стр. 87 и сл. — I. М. Шекера, *Міжнародні зв'язки Київської Русі*, Київ 1963, стр. 57 и сл.

¹²⁶ Haller, *Nicolaus I. ...*, 1936, p. 127 sq.

¹²⁷ A. Brückner, *Die Wahrheit über die Slavenapostel*, Tübingen 1913, p. 36 sq.

¹²⁸ Z. R. Dittrich, *Het Moravisch gesantschap naar Konstantinopel in 862*, Tijdschr. voor Geschiedenis 1960, p. 363 sq. — Его же, *Christianity in Great-Moravia*, 1962, p. 92 sq. — F. Grivec, *Konstantin und Method, Lehrer der Slaven*, Wiesbaden 1960, p. 259 sq. — M. Kos, *O pismu papeža Hadriana II*, Rozpr. Slov. Akad. znarnosti in umetnosti, Ljubljana 1934, p. 273 sq. — F. Grivec, *Sláva na výsostech Bohu*, Slovanské studie, Sbirka statí věnovaných univ. prof. dr. J. Vajsovi, Praha 1948, p. 45. — Fr. Dvornik, *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, 1933, p. 215 sq.

¹²⁹ F. Grivec, *De authentia epistolae „Gloria in excelsis Deo“ Hadriani II*, Or. Christ ... 1952, p. 113—120.

¹³⁰ Z. R. Dittrich, *Christianity in Great-Moravia*, p. 93—96.

¹³¹ *ЖК XIV*, Лавров, *Материалы ...* стр. 26. *FRB I*, p. 27.

¹³² J. Vašica, *Metodějův překlad Nomokanonu*, Slavia 1955, p. 9.

¹³³ R. Večerka, *Ideový profil velkomoravské literatury*, Sborník Matice moravské 82, 1963, p. 182 sq.

¹³⁴ Ф. И. Успенский, *История византийской империи*, Т. II, 1, Л. 1927, 363 и сл.

G. Ostrogorsky, *Geschichte des Byzantinischen Staates*, Byzantinisches Handbuch I/2, München 1952, p. 175 sq. — Fr. Dvorník, *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Travaux publiés par l'Institut d'études slaves IV, Paris 1926, p. 133 sq. — Z. R. Dittrich, *Christianity ...*, Groningen 1962, p. 94 sq.

¹³⁵ FRB I, 1873, ZK XIV, p. 27 — Лавров, *Материалы ...*, стр. 26—27.

¹³⁶ ZM V, FRB I, p. 44. — Лавров, *Материалы ...*, стр. 72—73.

¹³⁷ Б. Ст. Ангелов, *Из старата българска, руска та сръбска литература*, София 1958, стр. 19—23. — J. Hrabák, *Dějiny české literatury I*, 38. — R. Večerka, *Ideový profil velkomoravské literatury*, Sborník Matice moravské 82, 1963, p. 183—185.

¹³⁸ R. Večerka, o. c., p. 185.

BYZANTSKÁ MISE — JEJÍ POLITICKÉ POZADÍ V SOUVĚKÉ EVROPĚ

Resumé

Autor studie se na základě podrobné analýzy písemných pramenů, nových objevů archeologických a studia rozsáhlé historiografie o Velké Moravě pokouší znovu přehlédnout celou složitou otázku mezinárodního postavení Velké Moravy a mezinárodně politického pozadí Rostislavova úsilí o vybudování samostatné velkomoravské církevní organizace. Dokazuje, že Rostislavovo vyslání poselstva k cařihradskému dvoru nebylo důsledkem náhodného a okamžitého rozhodnutí velkomoravského knížete a jeho družiny, ale že bylo zavřením jisté etapy ve vývoji velkomoravského státu, etapy, charakterizované prohlubujícím se procesem etatizace a procesem dovršení christianizace, jež se v oblasti mezinárodních vztahů promítá v silicím úsilí Velké Moravy o úplné odstranění hierarchické a tím i politické nadřazenosti Franské říše a bavorského episkopátu, jejichž nároky a politické i mocenské metody byly překážkou nezávislého a úspěšného rozvoje slovanského světa v této oblasti.

Analyzuje kusé zprávy soudobých pramenů k politickým a církevním dějinám Moravy a k souvěkým mezinárodním vztahům a využíváje výsledků archeologie, literární historie a dějin náboženství a christianizace střední Evropy, dospěl autor k těmto závěrům: Velká Morava po celou prvou polovinu 9. století byla ve svém vlastním jádru nezávislá na Franské (Východofranské) říši, za svou nezávislost a svobodu vedla usilovný a vyčerpávající boj a rozvíjela cílevědomé úsilí na fóru mezinárodním. Nadvládu a svrchovanost východofranské říše lze připustit pouze nad oblastmi mezi Dyjí, Dolní Moravou a Dunajem, a to ještě dočasně. Velká Morava byla závorou franské expanse severním a severovýchodním směrem od oblastí středního Dunaje. Proces christianizace probíhající po celé období 1. poloviny 9. století a navazující na starší tradice i akvilejsko-istrijské mise, se stále více dostává (zvláště po r. 813) do moci bavorského episkopátu, jehož silicí vliv zvláště od r. 831 stále více ohrožoval politickou nezávislost christianizované Velké Moravy. Úsilí velkomoravské společnosti o upevnění své politické a církevní nezávislosti vyústilo v Rostislavově vypudění bavorského kleru a v jeho epochálním úsilí o zajištění církevní nezávislosti, v němž se obracel na Řím a nato na Cařihrad. Historičita Rostislavova kroku je mimo jakoukoliv pochybnost, vyvěrala z vnitřních potřeb velkomoravské společnosti a z jejího mezinárodního úsilí a plně odpovídala současným mezinárodním poměrům, v nichž se skvěle orientovala. Rostislav se nám představuje jako realistický státník, jehož politická strategie a diplomatická taktika plně odpovídala možnostem a potřebám velkomoravské společnosti. Využíváje současných vnitřních rozporů ve východofranské říši a postupuje v souladu se současnými tendencemi evropského vývoje, Rostislav zajistil svým krokem samostatnost církevní moravské organizace, již se díky Konstantinovi a Metodějovi dostalo vlastní slovanské liturgie a zároveň slovanského literárního jazyka. Realitu Rostislavova politického úsudku potvrzuje i pozornost, již se jeho poselstvu dostalo u cařihradského dvora, potvrzuje to i postoj Michala III., Bardy a Fotia k Rostislavově petici a konečně i samo vyslání mise v čele se skvělým diplomatem, zaníceným misionářem, geniálním filologem, hlízským vládnoucím cařihradským kruhům, v čele s Konstantinem a jeho bratrem Metodějem. V rozhodujícím okamžiku středoevropského vývoje, kdy před velkomoravskou společností vystupovalo nebezpečí východofranského jha, Rostislav likvidoval hlavní nástroj expanse — pronikání a upevňování vlivu a moci bavorského episkopátu. Od samého počátku Rostislavovo úsilí a činnost věrozvěstů má širší, obecně slovanské poslání a působnost. Důsledky Rostislavova kroku a činnost Konstantina a Metoděje postavily Velkou Moravu a Slovany jako rovnocenné partnery a spolutvůrce evropské civilizace.

